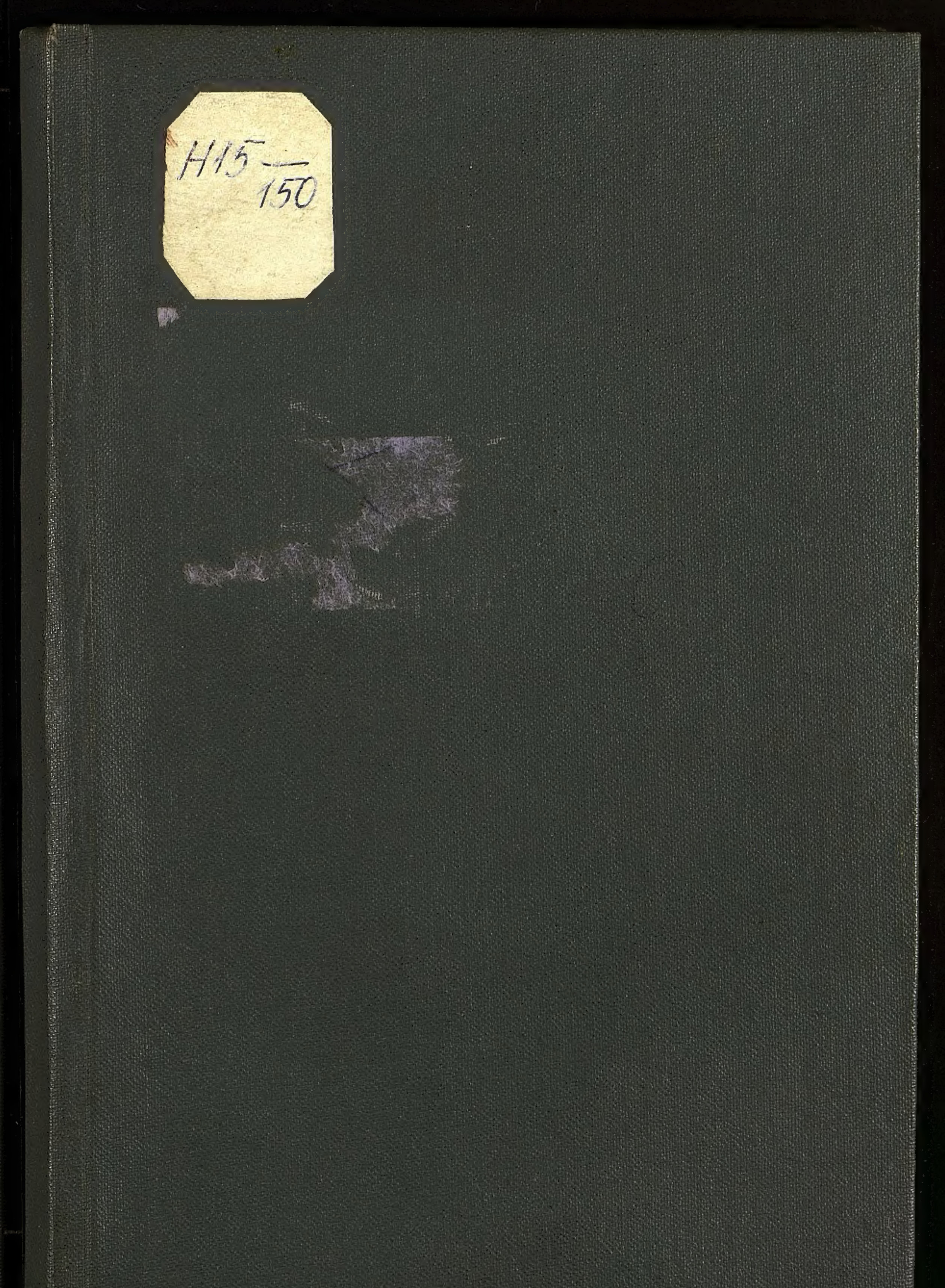

H15 —
150

МОРИС ПАЛЕОЛОГ
Быв. французский посол в России

РАСПУТИН

ВОСПОМИНАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
П. С. КОГАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ"
МОСКВА 1923

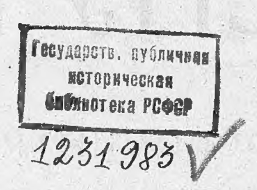
МОРИС ПАЛЕОЛОГ
БЫВШИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПОСОЛ В РОССИИ

РАСПУТИН

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРЕВОД ФЕДОРА ГЕ.

МОСКВА
1923

Главлит № 1916.

Отпечатано
10 тысяч экземпляров
в 7-й типографии
„МОСПОЛИГРАФ“.
Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Maurice Paleologue — бывший французский посол в России в последние годы предреволюционного периода. Вступив в должность посла в 1914 г., Палеолог пробыл в ней вплоть до февральской революции.

Его воспоминания дают исключительно острый и богатый материал для характеристики умирающего царского режима. и рисуют вопиющую картину. Не то уголовный роман с необычайно сложной интригой, нечто вроде „Тайн Мадридского двора“, не то записки византийского царедворца. А между тем, следут помнить, что Палеолог, откровенный монархист, еще смягчает факты, придает им ложное освещение. Он близорук, не понимает событий; единственным спасением от всех бед ему представляется созыв Гос. Думы, призвание к власти „оппозиции его величества“.

Он относится к Распутину то категорически отрицательно, то увлекается его пророчествами об исходе войны, то собирается, путем подкупа, сделать его орудием французской политики в России, воспользовавшись его безграничным влиянием на царя и царицу.

Но в общем, находясь в самом центре придворно-политической жизни, имея осведомителей во всех кругах общества, Палеолог, часто помимо воли, дает картину потрясающего разложения двора, правительства и церковных кругов, разложения, имеющего глубокие корни в прошлом и достигшего последних пределов в описываемые им годы.

Теперь этот „страшный сон“ — позади; история произнесла над ним свой суровый приговор. Пусть же дневник Палеолога, независимо от воли автора, послужит хорошим назиданием для всех любителей „доброго, старого времени“.

С. П. Коган.

19⁵/₂23 г.

Распутин появляется на сцене, его прошлое, его влияние на двор.

Суббота, 12 сентября 1914 г.

Распутин вылечился от своей раны и вернулся в Петроград. Ему не стоило труда убедить императрицу, что его выздоровление—блестящее доказательство божественного покровительства.

О войне он говорит в выражениях туманных, двусмысленных, апокалиптических, из чего заключают, что он ее не одобряет и предвидит великие бедствия.

Воскресенье, 27 сентября 1914 г.

Я завтракаю в Царском Селе у графини Б., сестра которой очень близко знакома с Распутиным. Я расспрашиваю ее о „старце“.

— Часто виделся он с царем и царицей после своего возвращения в Петроград?

— Не очень часто. У меня такое впечатление, что в данный момент их величества держат его в некотором отдалении. Так, например, позавчера он был в двух шагах отсюда, у моей сестры. Он при нас телефонирует во дворец, спрашивает г-жу Вырубову, может ли он вечером видеть императрицу. Г-жа Вырубова отвечает ему, что лучше ему подождать несколько

дней. Он, повидимому, был очень обижен этим ответом и тотчас покинул нас, даже не простившись. Раньше он не стал бы даже справляться, можно ли ему пойти во дворец, он прямо отправился бы туда.

— Чем вы об'ясняете эту внезапную перемену?

— Просто напросто тем обстоятельством, что императрица оторвана от своей прежней меланхолической мечтательности. С утра до вечера она занята своим госпиталем,шитьем белья, санитарным поездом. У нее никогда не было такого здорового вида.

— Верно ли, будто Распутин заявил царю, что эта война будет печальной для России и что ее надо немедленно прекратить.

— Сомневаюсь... В июне, незадолго до покушения Хини Гусевой, Распутин часто повторял царю, что он должен остерегаться Франции и сблизиться с Германией; он, впрочем, повторял лишь фразы, которым с большим трудом научил его старый князь Мещерский. Но после своего возвращения из Покровского он заговорил совершенно другим языком. Мне лично он третьего дня заявил: „Я в восторге от этой войны, она избавила нас от двух великих бедствий: от пьянства и от немецкой дружбы. Горе царю, если он остановит борьбу раньше, чем Германия будет раздавлена".

— Браво... Но говорит ли он то же самое царю и царице? Дней пятнадцать тому назад мне сообщали о его речах совсем другого рода.

— Может быть, он и говорил их.... Распутин не политик, имеющий свою систему, свою политику, которой он руководствуется при всех обстоятельствах. Это безграмотный мужик, импульсивный, ясновидящий, фантазер, полный противоречий. Но, так

как он очень хитер, так как он чувствует, что его положение при Дворе пошатнулась, меня удивило бы, если бы он открыто об‘явил себя противником войны.

— А на вас он имеет влияние?

— На меня! Нисколько. Физически он во мне возбуждает отвращение; у него грязные руки, ногти с трауром и всклокоченная борода. Фу! Однако, признаюсь, он меня забавляет. Он поражает своим пылом и фантазией. Он даже бывает иногда остроумен; он обладает даром образности и глубоким чувством тайны.

— Неужели он так красноречив?

— Да, уверяю вас, в иные дни у него очень оригинальная и поразительная манера выражения. Он попеременно фамильярен, насмешлив, резок, весел, нелеп и поэтичен. При том никакой позы. Наоборот, неслыханная бесцеремонность, ошеломляющий цинизм.

— Вы его чудесно описываете.

— Скажите откровенно, не хотите ли вы с ним познакомиться?

— Конечно, нет. Он слишком компрометирует. Но я прошу вас, держите меня в курсе его поступков и жестов, потому что он меня беспокоит.

Понедельник, 28 сентября 1914 г.

Я рассказываю Сазонову, что графиня Б. рассказывала мне вчера о Распутине.

Лицо его искажается конвульсией.

— Помилуйте, не говорите мне об этом человеке. Он мне внушает ужас. Он не только авантюрист и шарлатан: он — воплощение дьявола, он антихрист.

Вокруг имени „старца“ накопилось столько легенд, что я считаю небесполезным зарегистрировать несколько подлинных фактов.

Григорий Распутин родился в 1871 г. в Покровском, жалком поселке, расположенном на границе Зап. Сибири, между Тюменью и Тобольском. Отец его был простой мужик, пьяница, вор и коннобарышник, по имени Ефим Новый. Прозвище Распутин, которым скоро наградили молодого Григория его товарищи, очень характерно для этого периода его жизни и является пророческим для позднейшего времени. Это выражение, производное от слова „распутник“, на языке крестьян означает: „развратник“, сладострастник“, „юбочник“. Не раз жестоко колотили его отцы семейств, неоднократно по приказанию исправника даже наказывали его публично кнутом. Наконец, он нашел свой путь в Дамаск. Увещание священника, которого он вез в Верхотурский монастырь, внезапно пробудило в нем мистические инстинкты. Но его могучий темперамент, пылкость чувств и необузданная смелость его воображения почти тотчас же привели его в непристойную секту бичующихся, или хлыстов.

Своей натурой Распутин предназначен был быть об‘ектом „божественного наития“. Его подвиги во время ночных „радений“ скоро сделали его популярным. Одновременно развились его мистические дарования. Странствуя по деревням, он произносил евангельские проповеди, рассказывал притчи. Мало-помалу он перешел к пророчествам, к заклинанию бесов, к колдовству; он даже хвастал, будто совершал чудеса.

У него в это время, однако, были неприятные хлопоты с полицией из-за слишком много нашумевших

грешков: ему плохо бы пришлось, но духовные власти приняли его под свое покровительство.

В 1904 г. слава о его благочестии и аромат его добродетелей дошли до Петербурга. Известный Иоанн Кронштадский пожелал познакомится с молодым сибирским пророком; и он принял его в Александро-Невской Лавре. После этого первого появления своего в столице Распутин вернулся обратно в Покровское. Но с этого дня горизонт его жизни расширился. Он завязал сношения с целой шайкой попов, более или менее фанатичных, более или менее шарлатанов, беспутных, каких есть сотни среди подонков русского духовенства. В это же время его неизменным спутником становится монах, сквернослов, жестокий враг либералов и евреев, отец Иллиодор, который впоследствии бунтовал в своем монастыре в Царицыне и наглостью своего реакционного фанатизма, поставил в большое затруднение Синод. Вскоре Григорий перестал довольствоваться обществом мужиков и попов; его видели важно прогуливающимся с протоиереями и игуменами, с епископами и архимандритами, которые все, как Иоанн Кронштадский, сходились в том, что признавали в нем „искру божию". Между тем в Царицыне он лишил невинности монахиню, из которой взялся изгнать беса. В Казани, он, пьяный, вышел из публичного дома, бичуя поясом бежавшую перед ним голую девицу, что вызвало большой скандал в городе. В Тобольске он обольстил благочестивейшую супругу одного инженера, г-жу Л. и до того влюбил ее в себя, что она всем рассказывала о своей любви и хвасталась своим позором: это она познакомила его с утонченным развратом светских женщин.

Благодаря этим беспрерывно повторяющимся подвигам, престиж его святости возрастал с каждым днем. На улицах, когда он проходил, падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа; ему говорили: — „Христос наш, Спаситель наш, молись за нас грешных. Бог услышит тебя". Он отвечал: — „Во имя Отца, и Сына, и Духа Св. благословляю вас, братцы. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему, умерщвляйте плоть вашу".

В 1905 г. архимандриту Феофану, ректору Петербургской Духовной Академии, духовнику императрицы, пришла в голову несчастная мысль вызвать к себе Распутина. Он ввел его в круг своих благочестивых клиентов, среди которых было много спиритов, во главе последних очень влиятельная группа: Николай Николаевич, в то время командующий императорской гвардии, его брат Петр; затем их жены, Анастасия и Милица, дочери Черногорского короля. Григорию достаточно было появиться, чтобы поразить и очаровать это праздное, легковерное общество, предающееся самым бессмысленным фокусам теургии и оккультизма. Во всех мистических кружках наперерыв старались заполучить сибирского пророка, „божьего человека".

Отличались экспансивностью своего поклонения черногорские великие княжны. Они даже устроили при русском дворе лионского мага Филиппа в 1900 г. Они же в 1907 г. представили Распутина царю и царице.

Перед тем, как назначить ему аудиенцию, царь и царица чувствовали некоторое сомнение и обратились за советом к архимандриту Феофану, который совершенно их успокоил: — „Григорий Ефимович, — ска-

зал он, — крестьянин, простец. Полезно будет выслушать его, потому что его устами говорит голос русской земли. Я знаю все, в чем его упрекают. Мне известны его грехи: они бесчисленны и большой частью гнусны. Но в нем такая сила сокрушения, такая наивная вера в божественное милосердие, что я готов был бы поручиться за его вечное спасение. После каждого раскаяния он чист, как младенец, только что вынутый из купели крещения. Бог явно отличает его своей благодатию“.

С первого появления своего во дворце Распутин приобрел необыкновенное влияние на царя и царицу. Он их обратил, ослепил, покорил: это было какое-то очарование. Не то, чтоб он льстил им. Наоборот. С первого же дня он стал обращаться с ними сурово, со смелой и непринужденной фамильярностью, с тривиальным и красочным многословием, в котором царь и царица, пресытившись лестью и поклонением, слышали, наконец, казалось им, „голос русской земли“. Он очень скоро сделался другом г-жи Вырубовой, неразлучной подруги царицы, и был посвящен ею во все царские семейные и государственные тайны.

Все придворные интриганы, все просители должностей, титулов, доходов естественно стали искать его поддержки. Квартиру, которую он занимал на Кирочной ул., а позднее на Английском проспекте, днем и ночью осаждали просители, генералы и чиновники, епископы и архимандриты, тайные советники и сенаторы, ад'ютанты и камергеры, фрейлины и светские дамы: это была беспрерывная процессия. Когда он не был занят у царя с царицей или у черногорских княжен, его чаще всего можно было встретить у старой графини Игнатьевой, которая собирала в своем салоне

от'явленных защитников самодержавия и теократии. У нее любили собираться высшие духовные сановники: перемены в церковной иерархии, назначения в Синод, самые важные вопросы догматов, дисциплины и богослужения обсуждались в ее салоне. Ее всеми признанный моральный авторитет был для Распутина драгоценным вспомогательным средством.

В числе покровителей Распутина в начале его деятельности был также тибетский доктор Бадмаев, сибиряк из Забайкалья, монгол, бурят. Не имея университетского диплома, он занимался лечением не тайно, а совершенно открыто, — лечением странным, с примесью колдовства. К концу войны с Японией, один из его высокопоставленных клиентов, из признательности, отправил его с политическим поручением к наследственным правителям китайской Монголии. Для того, чтобы себе обеспечить их содействие, ему поручено было раздать им двести тысяч рублей. Вернувшись из Урги, он изложил в докладе блестящие результаты своей поездки и, на основании этого письменого сообщения, удостоился соответствующей благодарности. Но вскоре было замечено, что он оставил себе эти двести тысяч рублей. Инцидент стал принимать скверный оборот, когда вмешательство высокопоставленного клиента уладило все. Доктор свободно вздохнул и снова принялся за свои кабалистические операции. Никогда еще не было такого притока больных в его кабинет на Литейном, ибо распространился слух, что он привез из Монголии всякого рода целебные травы и магические рецепты, с большим трудом вырванные у тибетских шаманов. Сильный своим невежеством и своим фанатизмом, Бадмаев без колебания берется

за лечение самых трудных, самых темных случаев; он, впрочем, оказывает известное предпочтение нервным болезням, психическим страданиям и загадочным расстройствам женской физиологии. Под странными названиями и формами он сам приготовляет прописываемые им лекарства. Он производит, таким образом, опасную торговлю наркотиками, заглушающими боль, анестезирующими, месячногонными и возбуждающими средствами; он называет их „Тибетским элексиром“, „Порошком Нирвитти“, „Цветами азока“, „Ниэн-Ченским бальзамом“, Эссенцией черного лотоса“ и пр. В действительности он получает составные части своих лекарств у знакомого аптекаря. Царь и царица несколько раз приглашали его к цесаревичу, когда обыкновенные врачи оказывались бессильными остановить у ребенка приступы кровотечения. Там он и познакомился с Распутиным. В одно мгновение шарлатаны поняли друг друга и заключили союз.

Но с течением времени здоровые элементы столицы заволновались от всех скандальных легенд, распространившихся о „старце“ из Покровского. Его частые визиты в царский дворец, его доказанное участие в некоторых произвольных и злополучных актах верховной власти, наглое высокомерие его речей, его циническая нравственная распущенность вызвали, наконец, со всех сторон ропот возмущения. Несмотря на строгость цензуры, газеты разоблачали гнусную деятельность сибирского чудотворца, не осмеливаясь касаться личности императора, но публика понимала с полуслова. „Божий человек“ почувствовал, что ему хорошо было бы испариться на некоторое время. В марте 1911 г. он вооружился посохом и

отправился в Иерусалим. Это неожиданное решение исполнило его поклонников печалью и восхищением: только святая душа могла так ответить на оскорбления злых людей. Затем он провел лето в Царицыне у своего доброго друга и соратника, монаха Иллиодора.

Между тем, царица не переставала ему писать и телеграфировать. Осенью она заявила, что не может больше выносить его отсутствия. К тому же кровотечения цесаревича стали повторяться чаще. А если ребенок умрет... Мать не успокаивалась ни на один день: беспрестанные нервные припадки, судороги, обмороки. Царь, любящий свою жену и обожающий своего сына, чувствовал себя глубоко удрученным.

В начале ноября Распутин вернулся в Петербург. И тотчас же возобновились безумства и оргии. Но среди его поклонников обнаружились уже некоторые разногласия; одни считали его компрометирующим и слишком похотливым; других беспокоило растущее вмешательство его в церковные и государственные

дела. Как раз в это время, в духовных кругах волновались по поводу позорного назначения, вырванного у царя, благодаря его слабости: Григорий добился назначения Тобольским епископом одного из своих друзей детства, безграмотного, непристойного, гнусного отца Варнавы. Одновременно стало известным, что обер-прокурор Синода получил приказание пожаловать Распутину сан иерея. На этот раз поднялся скандал. 29 декабря саратовский епископ Гермоген, монах Иллиодор и несколько иереев завели ссору со „старцем". Они его ругали, толкали, называли: „Проклятый, богохульник, блудодей... скот смердящий... ехидна дьявольская"... наконец, они стали плевать

ему в лицо. Сначала он растерялся, потом, припертый к стене, попробовал ответить потоком ругательств. Тогда Гермоген, колосс, нанес ему несколько ударов с размаху по черепу своим наперстным крестом, крича: „на колени, несчастный... На колени перед святыми иконами.. Проси у Бога прощения за твои гнусные мерзости. Поклянись, что ты больше не осмелишься осквернять своей гнусной образиной дворец нашего любезного государя“. Распутин, дрожа от страха, с разбитым в кровь носом, ударяя себя в грудь, бормоча молитвы, дал клятву, что никогда больше не увидит царя. Наконец он вышел, под градом последних проклятий и плевков. Едва спасшись из этой западни, он поспешил в Царское Село.

Ему недолго пришлось ждать удовлетворения своей мстительности. Несколько дней спустя, по требованию обер-прокурора Синод лишил Гермогена епископской кафедры и сослал его в Жировицкий монастырь, в Литву. Что касается монаха Иллиодора, он был схвачен жандармами и заключен в исправительный Флорищевский монастырь, близ Владимира.

Полиция вначале бессильна была замять скандал. В Думе лидер октябристов Гучков в прозрачных выражениях осудил Двор за сношения с Распутиным. В Москве самые признанные представители православного славянства, граф Шереметьев, Самарин, Новожилов, Дружинин, Васнецов публично протестовали против раболепия Синода; они доходили до того, что требовали созыва всероссийского собора для реформы церкви. Сам архимандрит Феофан, раскусив, наконец, „божьего человека“, никак не мог простить себе, что рекомендовал его при Дворе и с достоинством возвысил свой голос против него. Вскоре Феофан, хотя

он был духовником царицы, был сослан по постановлению Синода в Крым.

Председателем Совета Министров был в это время Коковцев, временно управлявший и министерством финансов. Он делал все возможное, чтобы представить своему государю в настоящем свете всю гнусность „старца“. 1-го марта 1912 г. он умолял царя разрешить ему отослать Григория обратно в его родную деревню. „Этот человек овладел доверием вашего величества. Это шарлатан и негодяй наихудшей породы. Общественное мнение против него. Газеты...“ Царь прервал своего министра презрительной улыбкой: „Вы обращаете внимание на газеты?“

— Да, государь, когда они нападают на моего государя и от этого страдает престиж его власти. А в данном случае наиболее лойяльные газеты оказываются наиболее суровыми в своей критике.

С скучающим видом царь опять прервал его: „эти критики бессмысленные. Я знаю Распутина“. Коковцев не знал, стоило ли продолжать. Однако он закончил: „государь, ради династии, ради вашего наследника, умоляю вас, дайте мне принять необходимые меры, чтобы Распутин вернулся в свою деревню и никогда больше не возвращался“. Царь ответил холодно: „Я ему сам скажу, чтоб он уехал и не приезжал больше“.—„Должен ли я считать это решением вашего величества?“— „Это мое решение“. Затем, посмотрев на часы, которые показывали половину первого пополудни, царь протянул Коковцеву руку: „До свидания, Владимир Николаевич, я вас больше не задерживаю“.

В тот же день в четыре часа Распутин подозвал к телефону сенатора Д., близкого друга Коковцева, и насмешливо закричал ему: „Твой друг, председ-

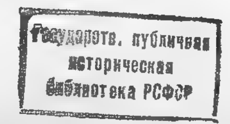
датель, пытался сегодня утром напугать „папку“. Он наговорил ему на меня всячески, но это не оказывает накакого действия. „Папка“ и „мамка“ любят меня попрежнему. Ты можешь телефонировать об этом от моего имени Владимиру Николаевичу“.

6-го мая в Ливадии все министры в парадной форме собрались в царском дворце принести поздравления царице по случаю ее тезоименитства. Проходя мимо Коковцева, Александра Федоровна отвернулась от него.

За несколько дней до этой церемонии „старец“ уехал в Тобольск; уехал он не по приказу, а по своей доброй воле, посмотреть, как идут дела в его небольшом имении в Покровском. Прощаясь с царем и царицей, он произнес с мрачным видом речь: „Я знаю, что злые люди подкапываются под меня. Не слушайте их. Если вы меня покинете, вы потеряете в течение шести месяцев вашего сына и вашу корону“. Царица воскликнула: „Как можем мы тебя покинуть? Разве ты не единственный наш покровитель, наш лучший друг“. И, преклонив колени, просила ее благословить.

Октябрь царская семья проводила на даче в Спале, в Польше, где царь часто охотился в великолепном Крулевом лесу.

Однажды юный наследник, возвращаясь с прогулки в лодке на озере, плохо рассчитал свой скачек на берег и ушиб себе бедро о борт лодки. Контузия сначала казалась легкой и невинной. Но через 2 недели, 1-го октября, появилась опухоль в паху, бедро распухло, затем внезапно поднялась температура. Доктора Федоров, Деревенко, Рауфус, поспешно вызванные, определили кровяной нарыв, кровяную опухоль и начинающееся заражение крови. Надо было немедленно

произвести операцию, но предрасположение ребенка к кровотечению исключало возможность надреза*).

Между тем температура с каждым часом все поднималась. 21-го октября температура дошла до 39, 8^0. Родители не выходили из комнаты больного, ибо врачи не скрывали своего беспокойства. В церкви, в Спале, попы сменялись для молитвы днем и ночью. По распоряжению царя торжественная литургия была отслужена в Москве перед иконой Иверской Богоматери.

Утром 22-го октября царица в первый раз сошла в салон, где собрались: дежурный ад'ютант Нарышкин, дежурная фрейлина княгиня Елизавета Оболенская, Сазонов, прибывший для доклада царю, и начальник царской охоты в Польше граф Владислав Велепольский. Бледная, похудевшая Александра Федоровна, однако, улыбалась. На обращенные к ней тревожные вопросы она ответила спокойным тоном: „Врачи не констатируют еще никакого улучшения, но лично я уже не беспокоюсь. Я получила сегодня ночью телеграмму от отца Григория, которая меня совершенно успокоила“. Затем она прочитала телеграмму: „Бог

*) Гемофилия — прирожденный органический недостаток, довольно редко встречающийся и проявляющийся в странной форме: гемофилию считают признаком вырождения. Характерный симптом —изменения крови, теряющей в большей или меньшей степени способность свертываться. Отсюда частые кровотечения, которые иногда невозможно остановить. Малейшее поранение, кровь из носа, легкий ушиб, укол или даже малейшая случайность, приступ кашля, неверный шаг причиняют обильное кровотечение.

В большинстве случаев это внутреннее кровоизлияние, заливающее ткани, суставы, внутренности. Обычные приемы, рекомендуемые для остановки кровотечения, бессильны в данном случае; иногда помогают впрыскивания физиологическаго раствора. Две трети гемофилитиков умирает раньше одиннадцати лет, очень немногие переживают двадцатый год. С точки зрения наследственности, гемоявилия представляет интересную особенность: предрасположенность передается только мальчикам и всегда через здоровых матерей.

воззрил на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься. Твой сын будет жить“.

В течение 1913 г. несколько лиц снова осмелились открыть глаза царю и царице на поведение „старца“ и его нравственную низость.

Это были: во-первых, вдовствующая императрица Мария Федоровна, затем сестра царицы Елизавета Федоровна. И сколько других! Но всем предупреждениям, всем увещаниям царь и царица противопоставляли один и тот же спокойный ответ: „Это все клеветы. Впрочем, на святых всегда клевещут“.

В религиозных разглагольствованиях, которыми Распутин обычно прикрывает свой эротизм, постоянно повторяется одна идея: „Одним только раскаяньем мы можем спастись. Нам, значит, надо согрешить, чтоб иметь повод покаяться. Следовательно, если Бог посылает нам искушение, мы должны поддаться ему, чтобы обеспечить себе предварительное и необходимое условие плодотворного раскаяния... Впрочем, не было ли первым словом жизни и истины, которое Христос сказал людям: Покайтесь! Но как покаяться, предварительно не согрешивши...“

Его безыскусственные проповеди изобилуют хитроумными рассуждениями об отпустительной ценности слез и искупительной силе сокрушения. Один из его любимых аргументов, действующих наверняка на его женскую клиентуру, сводится к следующему: „Чаще всего не отвращение к греху мешает нам уступить искушению, ибо, если бы грех в самом деле внушал нам отвращение, нас не тянуло бы грешить. Хочется нам когда-нибудь с‘есть чего-нибудь, что нам противно? Нет, что нас удерживает и пугает, так это испытание, которое раскаянье готовит гордости.

Совершенное сокрушение требует абсолютного смирения. А мы не хотим смириться, даже перед Господом. Вот в чем секрет нашей борьбы с искушением. Но Всевышний Судия, — Он не ошибается. И когда мы будем в долине Иосафата, Он припомнит нам все случаи спастись, которые Он доставил нам и которые мы отвергли...“

В XI столетии нашей эры эти софизмы проповедывались уже фригийской сектой. Еретик Монтанус охотно доказывал их своим красивым последовательницам в Лаодикии, добиваясь тех же практических результатов, что и Распутин.

Если бы деятельность „старца“ ограничилась областью сластолюбия и мистицизма, он был бы для меня лишь предметом более или менее интересного психологического... или физиологического исследования.

Но, силой обстоятельств, этот невежественный крестьянин сделался политическим орудием. Вокруг него сгруппировалась клиентура влиятельных лиц, связавших свою судьбу с его судьбой.

Самым значительным из них является министр юстиции, лидер крайне-правой в Государственном Совете, Щегловитов: при живом уме и едком красноречии он вносит в осуществление своих идей много расчета и гибкости; он, впрочем, недавно обращен в распутизм. Почти такое же значение имеет министр внутренних дел Николай Маклаков, любезная покладистость которого очень нравится царю и царице. Затем, обер-прокурор Синода, Саблер — презренный и раболепный характер; благодаря ему „старец“ держит, так сказать, в руках весь епископат, все высшие духовные должности. Непосредственно после

него я назову первого прокурора Сената, Добровольского, затем члена Государственного Совета Штюрмера, затем коменданта императорских дворцов, зятя министра Двора, генерала Воейкова. Я назову, наконец, очень смелого и очень хитрого директора Департамента Полиции, Белецкого. Легко представить себе огромную власть, которую представляет коалиция таких влиятельных лиц в таком самодержавном и централизованном государстве, как Россия.

В противовес вредному влиянию этой камарильи, я вижу при царе и царице лишь одного человека, начальника Военной Канцелярии, князя Владимира Орлова, сына бывшего русского посла в Париже. Это прямой ум и гордое сердце; он всей душой предан царю и с первого же дня об'явил себя противником Распутина и без устали ведет борьбу против него, конечно, вызывая враждебное отношение к себе со стороны царицы и г-жи Вырубовой.

Вторник, 3 ноября 1914 г.

Два дня тому назад я получил от графини Л. следующее письмо:

Мой дорогой друг!

Не подумаете, что я пишу в бреду. Но некто странный и таинственный просит меня перевести то, что он думает о Франции, и передать это вам. Предупреждаю Вас, что это набор бессвязных слов.

Посылаю вам также русский оригинал, если можно назвать „оригиналом" приложенную при сем пачкотню. Может-быть вы найдете кого-нибудь компетентнее меня, кто проникнет в мистический, может-быть пророческий, смысл этого листка. Мне

прислала его г-жа Вырубова с просьбой перевести его для вас. Я полагаю, что эта идея исходит из высших сфер...

Ваш верный друг О. Л.

К этому письму приложен листок бумаги, исписанный крупным, неровным, тяжелым, грубым почерком, состоящим из прерывающихся, резких, приплюснутых линий. Буквы так топорны, так бесформенны, что их едва можно разобрать. Но вся страница в целом выразительна, как офорт. Подпись читаешь почти без труда: „Распутин“.

Вот, по словам г-жи Л., перевод русского текста (копия факсимиле Распутина):

„Давай бох по примеру жить расси оне укоризной страны например нестожества

сей минуты евит бох евленье силу увидите рать силу небес победа свами и вас роспутин.

— Дай вам Бог жить по примеру России, а не критикой страны, например ничтожество*). С этой минуты Бог явит чудо силы. Ваша рать увидит силу небес. Победа с Вами и на вас.

Распутин.

У листка, на котором нацарапан этот логогриф, оторван верхний левый угол, где был императорский герб. Значит, Распутин писал в Царском Селе. После тяжелого раздумья, я отправляю графине Л. туманный ответ, в котором развиваю следующию идею: „Французский народ, который одарен всеми интуициями

*) Г-жа Вырубова полагает, что это надо понимать так, что Россию не следует попрекать ее монархизмом (примечание г-жи Л.).

сердца, прекрасно понимает, что русский народ воплощает свою любовь к отечеству в особе царя...“ Мое письмо кончается так: „Итак, пусть ваш пророк успокоится. На той высоте, на которую Россия и Франция вознесли свой общий идеал, они всегда поймут друг друга“.

Среда, 4 декабря 1914 г.

Графиня Л. пишет мне:

Вы прекрасно ответили на мое письмо и ваш ответ находится в августейших руках. Я с тех пор убедилась, что я была права, предполагая, что распоряжение перевести (письмо Распутина) исходило из высших сфер.

Ваш верный друг О. Л.

Среда, 9 декабря 1914 г.

Отсутствие сведений о военных операциях в Польше, предчувствие, оказавшееся слишком основательным, огромных потерь, понесенных русской армией, наконец, эвакуация Лодзи — поддерживают в публике мрачное уныние. Мне всюду попадаются лишь люди подавленные. Эта подавленность проявляется не только в салонах и клубах, но и в учреждениях, в магазинах, на улицах.

Сегодня днем я зашел к антикварию на Литейном. Поторговавшись минут пять, он спрашивает меня с испуганным лицом:

— Ах, monsieur, когда кончится эта война... Правда ли, что мы потеряли у Лодзи миллион людей?

— Миллион людей! Кто вам сказал это? Ваши потери значительны, но уверяю вас, что они далеки от такой цифры. У вас в армии сын или родственник?

— Нет, слава Богу. Но эта война слишком затянулась, слишком ужасна. И потом, мы никогда не победим немцев. Так почему же не покончить с этим сразу?

Я его ободряю, как могу. Я ему доказываю, что если мы проявим упорство, мы, наверное, победим. Он слушает с скептическим и унылым видом. Когда я замолчал он сказал:

— Вы, французы, может быть, победите. Мы, русские, нет. Мы проиграем.. Но тогда зачем же, Господи, убивать столько людей? Почему не покончить с этим сразу.

Увы! Сколько русских рассуждают так в настоящее время.

Вернувшись в посольство, я застаю здесь старого барона Г., который лет десять тому назад играл политическую роль, но с тех пор участвует только в светских удовольствиях и сплетнях. Он говорит со мной о военных событиях.

— Плохо.. Иллюзия рассеялась... Николай—бездарность.. Бой у Лодзи, — какое безумие, какое поражение! Наши потери: больше миллиона людей.. Мы никогда не одолеем немцев... Надо подумать о мире.

Я возражаю, что три союзные страны обязаны продолжать войну до поражения Германии, потому что на карту поставлены нх национальная независимость и целость. Я добавляю, что унизительный мир неизбежно вызовет революцию в России, и какую революцию! В заключение я заявляю, что я абсолютно убежден в верности императора нашему общему делу.

Г. возражает тихо, как если бы кто-нибудь мог нас услышать.

— О, император... император.

Он останавливается. Я настаиваю.

— Что вы хотите сказать? Кончайте.

Он продолжает принужденно, так как вступает на опасную почву.

— В настоящее время император не может спокойно говорить о Германии, но он скоро поймет, что он ведет Россию к гибели.. Ему дадут это понять... Я как будто слышу, как эта каналья Распутин говорит: „Да что же это. Долго ты еще будешь проливать кровь твоего народа? Неужели ты не видишь, что Бог тебя покинул"... В этот день, господин посол, мы будем близки к миру.

Я сухо обрываю разговор:

— Это глупые сплетни.. император клялся на Евангелии и перед иконой Казанской Божьей Матери, что он не подпишет мира, пока на русской земле будет хоть один солдат. Никогда вы меня не заставите поверить, что он не выполнит подобной клятвы. Не забудьте, что в тот день, когда он произносил ее, он пожелал, чтоб я был возле него, чтоб я был свидетелем и порукой в том, в чем он клялся перед Богом. В этом пункте он останется непоколебимым. Он скорее умрет, чем нарушит свое слово..

Четвер 7 января 1915 г.

Вот уже девять дней длится упорная борьба на левом берегу Вислы в секторе, расположенном между Бзурой и Равкой. 2-го января немцам удалось занять

важную позицию в Боржимове; итак, их фронт аттаки находится в 60 километрах от Варшавы.

Это положение вызывает в Москве очень суровую оценку, если верить впечатлениям, сообщенным мне английским журналистом, вчера только обедавшим в „Славянском Базаре“.—„Во всех московских салонах и кружках, говорит он, проявляется большое раздражение по поводу оборота, какой принимают военные события. Не могут понять этой остановки всех наступлений и этих постоянных отступлений, которые как будто никогда не должны кончиться... Однако, обвиняют не Николая Николаевича, а царя и еще больше царицу. Об Александре Федоровне распространяют самые нелепые слухи; обвиняют Распутина в том, что он подкуплен Германией и царицу иначе не называют, как „немкой“.

Вот уже несколько раз я слышу, что царицу упрекают в том, что она сохранила на троне симпатии, пристрастие, привязанность к Германии. Несчастная женщина ни с какой стороны не заслужила такого обвинения, о котором она знает и которое приводит ее в очаяние.

Александра Федоровна ни душой, ни сердцем никогда не была немкой. Правда, она немка по происхождению, по крайней мере, с отцовской стороны, так как отцом ее был Людвиг IV, великий герцог Гессенский и Рейнский, но она англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878г. шести лет, она потеряла мать и с тех пор обычно жила при английском Дворе. Ее воспитание, образование, умственное и нравственное развитие были совершенно английские. Еще теперь она англичанка по внешности, по манере, по известному налету чопор-

ности и пуританизма, по непримиримой и воинствующей суровости своего сознания, наконец, по многим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все то, что в ней осталось от ее западного происхождения.

В сущности же она стала вполне русской. Во-первых, несмотря на легенду, которая, как я вижу, образуется вокруг ее имени, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она горячо любит Россию. И как ей не быть привязанной к этой второй ее родине, которая, заключает в себе и воплощает для нее все ее интересы—женщины, супруги. Когда она вступала на трон в 1894г., уже было известно, что она не любит Германию, в особенности Пруссию; в последние годы она чувствовала личное отвращение к импературу Вильгельму, и она на него взваливает ответственность „за эту ужасную войну". Когда она узнала о сожжении Лувэна, она воскликнула: „Я краснею, что была немкой".

Я уже отмечал болезненные предрасположения, унаследованные Александрой Федоровной от матери, проявляющиеся и у ее сестры Елизаветы Федоровны в филантропической экзальтации, а у ее брата великого герцога Гессенского в странных вкусах. Так вот эти наследственные наклонности, которые более или менее атрофировались бы в положительной и уравновешенной среде Западной Европы, нашли в России самые благоприятные условия для своего полного развития. Моральное беспокойство, хроническая тоска, неопределенные страхи, смена периодов возбуждения и подавленности, неотвязная мысль о невидимом и потустороннем, суеверное легковерие, — все это симптомы рельефно выступают в личности императрицы;

покорность, с которой Александра Федоровна подчиняется влиянию Распутина не менее знаменательна. Видя в нем „божьего человека“, „святого“, гонимого, как Христа гнали „фарисеи“..., признавая в нем дар предвидения, способность совершать чудеса и изгонять бесов, ставя в зависимость от его благословений успех политического акта или военной операции, она ведет себя, как вели себя когда-то московские царицы, она переносит нас в эпоху Ивана Грозного или Михаила Федоровича.

Николай и Распутин.

Воскресение, 14 февраля, 1915 г.

Русская армия отступает от района Тильзита на нижнем Немане до района Плоцка на Висле, т.-е. на фронте в 450 километров. Она потеряла свои окопы у Ангерапа и все проходы у Мазурских озер, которые были так удобны для защиты: она поспешно отступает по направлению к Ковно, Гродно, Осовцу и Нареву.

Этот ряд неудач доставляет Распутину случай утолить непримиримую злобу которую он питает к великому князю Николаю.

В начале своей карьеры в Петербурге в 1906 г. у „старца“ не было более усердных покровителей, чем Николай Николаевич и Петр Николаевич и их супруги-черногорки — Анастасия и Милица. Но в один прекрасный день Николай сознал свою ошибку и постарался исправить ее. Он умолял, заклинал царя прогнать гнусного „мужика“, несколько раз он повторял попытку: ничего не вышло. С тех пор Распутин затаил месть.

Поэтому меня не удивляет, когда я узнаю, что он в присутствии царя и царицы беспрерывно ругает генералиссимуса. С обычным своим чутьем, он сразу же остановился на обвинениях, которые в их глазах могли иметь наибольшее значение. С одной стороны он обвиняет его в том, что тот пускает в ход всякого рода лицемерные приемы, чтобы снискать популярность среди солдат и создать себе в армии политическую клиентуру. С другой стороны, он повторяет: „Николаша не будет иметь успеха ни в одной из операций, потому что Бог никогда не благословит их. Как, в самом деле, может Бог благословить действия человека, который предал меня, „божьего человека?"

Моя встреча с Распутиным.

Среда, 24 февраля, 1915 г.

Сегодня, днем в то время, как я был у г-жи О., принимающей деятельное участие в устройстве госпиталей, неожиданно с шумом открывается дверь гостиной. Человек высокого роста, одетый в длинный, черный кафтан, какие носят по праздникам зажиточные мужики, обутый в тяжелые сапоги, широко шагая, подходит к г-же О. и громко целует ее. Это Распутин.

Бегло взглянув на меня, он спрашивает:

— Кто это?

Г-жа О. называет мою фамилию. Он продолжает:

— А, это французский посол. Я рад с ним познакомиться, мне как раз надо кое-что сказать ему.

И начал быстро говорить. Г-жа О., которая служит нам переводчицей, не успевает переводить.

У меня, таким образом, есть возможность рассмотреть его. Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная, густая борода; высокий лоб; широкий выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняно-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом.

В кратких, беспорядочных фразах, с обилием жестов, он рисует мне патетическую картину страданий, которые война приносит русскому народу.

Затем он окидывает меня недоверчивым взглядом и чешет себе бороду. Затем, неожиданно выпаливает:

— Есть везде дураки.

Он возвращается к своей первоначальной теме, к необходимости облегчить народные страдания.

После этого он целует г-жу О., прижимает меня к своей груди и, широко шагая, выходит, хлопнув дверью.

Скандал Распутина в Москве.

Четверг, 15 апреля, 1915 г.

Несколько дней тому назад было в газетах, что Распутин уехал в Москву. Исполняя обет, который он дал в прошлом году, когда доктора вырвали его у смерти, он ехал помолиться в Кремле на могиле патриарха Гермогена.

Когда наступил вечер, он перешел к подвигам другого рода. И хотя оргия происходила при закры-

тых дверях, но в публику проникло достаточно подробностей для того, чтобы вызвать во всех классах московского населения волнение, скандал, глухой ропот негодавания и отвращения.

Вот история, как мне ее только что передал родственник московского градоначальника, генерала Адрианова, ад'ютант императора, прибывший из Москвы.

Сцена имела место в салоне ресторана „Яр", в Петровском парке. С Распутиным были два журналиста и три молодые женщины, из которых, по крайней мере одна, принадлежала к лучшему обществу Москвы.

Ужин начался около полуночи. Было много выпито. Балалаечники исполняли национальные мотивы. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с циничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде, называя по фамилиям женщин, которые ему отдавались, раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную особенность, какую-нибудь смешную или скабрезную подробность.

После ужина балалаечников заменили цыганки. Распутин, совершенно пьяный, принялся рассказывать об императрице, которую он называл „старушкой". Это смутило общество. Он продолжал нисколько не смущаясь. Показывая вышитый жилет, который он носил под кафтаном, он заявил:

— Этот жилет мне вышила „старушка". Я делаю с ней все, что хочу.

Светская дама, затесавшаяся в эту авантюру, запротестовала, хотела уйти. Тогда он, взбешенный, шатаясь, сделал непристойный жест.

Затем он кинулся к цыганкам. Те встретили его тоже не ласково. Он стал ругать их, вплетая в эти ругательства имя царицы.

Между тем, участники оргии боялись быть скомпрометированными в подобном скандале, о котором говорил уже весь ресторан, и полицейские последствия которого могли оказаться серьезными, в виду оскорбления императрицы.

Потребовали счет. Как только „человек" принес счет, светская дама бросила на стол пачку рублей, суммой далеко превышавшую итог счета, и поспешно вышла. Цыганки вышли вслед за ней.

Остальное общество тоже скоро последовало за ними. Распутин вышел последним, бранясь, рыгая и шатаясь.

Суббота, 24 апреля 1915 г.

Московский градоначальник, генерал Адрианов, хотел доложить непосредственно царю о скандале, произведенном недавно в ресторане „Яр", которым все население Москвы до сих пор возмущено. Итак вчера утром он явился в парадной форме в Царское Село просить аудиенции. Но комендант императорских дворцов, генерал Воейков, не допустил его к царю.

Генерал Адрианов обратился тогда к генералу Джунковскому, командиру корпуса жандармов, товарищу министра внутренних дел по полицейским делам, который уже двадцать раз пытался разоблачить пред царем всю гнусность „старца".

Этим окольным путем до Николая II дошли все малейшие подробности гнусной оргии в ресторане „Яр". Не доверяя, однако, полученному сообщению, он приказал произвести дополнительное следствие, которое

он поручил своему любимому ад'ютанту, интимному фавориту царицы, капитану фрегата Саблину. Последний, несмотря на близкое знакомство с Распутиным, вынужден был признать совершенную справедливость всех заявлений генерала Адрианова.

В виду установленных фактов, царь, царица и г-жа Вырубова пришли сообща к заключению, что адские силы расставили их святому другу страшную ловушку и что „божий человек“ не отделался бы так дешево без божьей помощи.

Вторник, 27 апреля 1915 г.

Великий князь Николай и его главный штаб сопровождали императора во время его недавнего посещения галицийского фронта.

Все были поражены индифферентностью, даже холодностью, с какими армия встретила царя. Легенда, создавшаяся вокруг императрицы и Распутина, нанесла чувствительный удар престижу императора, среди солдат и офицеров. Никто не сомневается что в Царском Селе скрывается гнездо измены, и дело Мясоедова дает основание для всех подозрений. Близ Львова один из моих офицеров подслушал следующий разговор поручиков:

— О каком Николае ты говоришь?

— Да, разумеется, о великом князе. Другой, ведь всего только немец.

Интриги Распутина против вел. князя Николая.

Среда, 26 мая 1915 г.

Беспрерывные неудачи русской армии дают Распутину повод удовлетворить давнишнюю злобу, ко-

торую он питает к Николаю. Он не перестает порицать генералиссимуса, которого он обвиняет в том, что он ничего не понимает в военном искусстве и заботится исключительно о том, чтоб создать себе в войсках нездоровую популярность, втайне надеясь занять императорский трон. Характер и все прошлое великого князя в достаточной мере опровергают это обвинение, но я знаю, что царя и царицу оно беспокоит.

С другой стороны, я узнаю, что в последнее время Распутин снова принялся проповедовать свою старую тему: „эта война не угодна Богу“.

Тайный конкурент старца юродивый Митя Коляба.

Воскресенье, 30 мая 1915 г.

Видя все возрастающее влияние Распутина и его роковое влияние на русскую политику, я порой задавал себе вопрос, не следовало ли бы союзникам попытаться эксплоатировать в свою пользу мистические и иные дарования чудотворца, подкупив его; мы, таким образом, направляли бы его вдохновения, вместо того, чтобы они нас беспрерывно беспокоили, стесняли, парализовали; признаюсь, меня соблазняла бы такая операция, хотя бы из диллетантизма; я должен был признать, что она была бы бесплодной, компрометирующей и даже опасной.

Я недавно пробовал заговорить об этом с высокопоставленным лицом, Э., который лишний раз излил предо мной свой стремительный национализм. В то время, как он с отвращением перечислял последние непристойности и сумасбродства Гришки, я спросил его:

— Разрешите мне один вопрос... Почему ваши политические друзья не пытаются привлечь Гришку на свою сторону? Почему они его не подкупят?

Покачав головой и подумав, он ответил:

— Распутина нельзя подкупить.

— Такой уж он добродетельный?

— О, нет.. У этого подлеца нет ни малейшего морального чувства и я считаю его способным на всякую гадость. Но, во-первых он не нуждается в деньгах: он получает их гораздо больше, чем ему нужно.. Вы знаете, как он живет. Кроме небольшой квартиры на Гороховой, какие у него расходы? Он одевается как „мужик“, его жена и дочери как нищие. Его стол ничего ему не стоит; он ест всегда вне дома. Его удовольствия не только ничего ему не стоят, а приносят ему доход: грязные самки, молодые и старые, которые его окружают, беспрерывно шлют ему подарки. Потом царь и царица беспрерывно осыпают его деньгами. Наконец, вы догадываетесь, сколько он выжимает из просителей, которые приходят ежедневно умолять его походатайствовать за них. Вы видите, что у святого мужа нет недостатка в средствах.

— Что делает он со всеми этими деньгами?

Во-первых, он очень щедр: он много денег раздает. Потом он покупает землю в своем селе, в Покровском, и строит там церковь; у него есть кой-какие капиталы в банках, на черный день, потому что он довольно сильно беспокоится о своем будущем.

— То, что вы рассказываете мне, укрепляет меня в моей первоначальной идее... У Распутина есть уязвимое место, если он любит округлять свои земельные владения, строитъ церкви, делать вклады в банк.

Ваши политические друзья должны были бы попытаться подкупить его.

— Нет, господин посол, затруднение не в том, как предложить Распутину денег; он примет деньги от кого угодно. Трудно заставить его играть роль, потому что он никакой роли повести неспособен. Не забывайте, что он безграмотный мужик.

— Он, однако, не глуп.

— Он, прежде всего, хитер. Его кругозор очень узок. Он ничего не понимает в политике Нельзя его ввести в курс непривычных для него идей и соображений. Никакая связная беседа, никакая серьезная и последовательная дискуссия с ним невозможны. Он умеет лишь повторять подсказанный ему урок.

— Он прибавляет, однако, кой-какие украшения собственного изделия.

— Да, он прибавляет непристойные жесты и мистическую чепуху. Но люди, пользующиеся им, присматривают за ним. И он знает, что за ним шпионят, что просматривают его корреспонденцию, следят за его поведением и знакомствами. Под предлогом охраны дворцовая полиция, „охрана" генерала Воейкова, неотступно следует за ним по пятам. Ему не безызвестно, что в его собственной партии есть враги, соперники, завистники, которые стараются под шумок очернить его перед царем и царицей, подставить ему ножку. Наконец, он всегда дрожит, как бы ему не нашли заместителя Вы, вероятно, слышали разговоры о черногорском красавце отце Мардарии и об идиоте Мите Коляба, его нынешних соперниках. И есть, должно быть, другие, которых нам готовят за кулисами. Распутин слишком хорошо знает опасность своего положения и он слишком умен, чтоб не

оставаться верным своей партии. Будьте уверены, если бы ему сделали подозрительное предложение, он немедленно сообщил бы об этом Воейкову...

На этом наш разговор оборвался. Сегодня я снова завожу его и почти в тех же выражениях с одним из моих информаторов С., принадлежащем к националистским и православным кругам Москвы.

— Увы, сказал он мне, боюсь, что мы на этих днях падем еще ниже Распутина.

— Возможно ли это?

— Не сомневаюсь... В области несуразного нет пределов. Если бы Распутин исчез, мы не преминули бы сильно пожалеть о нем.

— Кто же мог бы заставить нас пожалеть о нем?

— Митя Коляба, например...

Для обоснования своих опасений он сообщает мне некоторые сведения об этой личности, о которой мне известны только ее прежние сношения с монахом Иллиодором Царицынским и отцом Иоанном Кронштадтским.

Митя Коляба такой же слабоумный, „блаженный", „юродивый", как тот, который произносит роковые слова в „Борисе Годунове". Он родился около 1865 г. в окрестностях Калуги, он глухой, немой, полу-слепой, кривоногий, с кривым позвоночником, с двумя обрубками вместо рук. Его мозг, атрофированный, как и его члены, вмещает лишь небольшое число рудиментарных идей, которые он выражает гортанными звуками, заиканием, ворчанием, мычанием, визжанием и беспорядочной жестикуляцией своих обрубков. В течение нескольких лет его призревали из милости в монастыре, в Оптиной Пустыни, близ Козельска. Однажды в нем заметили странные приступы волне-

ния с промежутками оцепенения, похожими на экстаз. В 1901 г. его повезли в Петроград, где царь и царица высоко оценили его пророческое ясновидение, хотя они были в то время в полном подчинении у мага Филиппа Во время несчастной японской войны Митя Коляба, казалось, призван был сыграть крупную роль. Но неловкие друзья впутали его в эпическую ссору Распутина с епископом Гермогеном. Он вынужден был на время исчезнуть, чтобы избежать мести своего страшного соперника. В настоящее время он живет среди небольшой тайной секты и ждет своего часа.

Пятница, 11 июня 1915 г.

Несколько дней тому назад Москва заволновалась. В народе стали распространяться слухи об измене, громко обвиняли царя, царицу, Распутина и всех лиц, пользующихся влиянием при Дворе.

Серьезные беспорядки вспыхнули вчера и продолжаются сегодня. Большое число магазинов, принадлежащих немцам или с немецкими фамилиями на вывесках, разгромлены.

Воскресенье, 13 июня 1915 г.

Московские беспорядки носили особо серьезный характер, о котором не упоминали отчеты прессы.

На знаменитой Красной площади, свидетельнице стольких исторических событий, толпа поносила царя и царицу, требуя заключения царицы в монастырь, низложения царя, передачи короны в. к. Николаю, повешения Распутина.

Шумные манифестации отправились к Марфо-Мариинскому монастырю, где игуменьей состоит Елизавета Федоровна, сестра императрицы и вдова Сергея. Эту женщину, которая все свое время посвящает исправительным и благотворительным учреждениям, осыпали оскорблениями, так как население Москвы давно уверено, что она германская шпионка и даже скрывает в своем монастыре своего брата, великого герцога Гессенского.

Известия об этих событиях привели в уныние Царское Село. Императрица резко обвиняет князя Юсупова, московского генерал-губернатора, который, по непредусмотрительности и слабости, не сумел защитить царской семьи от таких оскорблений.

Царь принял вчера председателя Думы Родзянко, который изо всех сил настаивал на немедленном созыве Думы. Царь благосклонно слушал, но ничем не обнаруживал своих намерений.

Воскресенье, 18 июля 1915 г.

За последние три дня опасность положения русских армий значительно возросла: им приходится не только бороться с неудержимым натиском австро-германцев между Бугом и Вислой, — им приходится также выдерживать двойное наступление, недавно начатое неприятелем на севере, между Наревом и Курляндией.

В районе Нарева германцы заняли укрепленные линии на Млаве, где они взяли 17.000 пленных. В Курляндии они переправились через Виндаву, захватили г. Виндаву и угрожают Митаве, которая находится всего в 50 километрах от Риги.

Это положение, повидимому, укрепляет царя в тех намерениях, о которых он так кстати возвестил в своем манифесте от 27-го июня. Так, он только что дал отставку обер-прокурору Синода, Саблеру, орудию мирной и германофильской партии, вассалу Распутина. Его заменил Александр Дмитриевич Самарин, предводитель дворянства Московской губернии; крупное общественное положение, широкий и сильный ум; выбор превосходен.

Понедельник, 19 июля 1915 г.

Опала, поразившая вчера главного прокурора Синода, постигла сегодня министра юстиции Щегловитова, по духу абсолютизма и реакции нисколько не уступавшего Саблеру. Его преемник, Александр Алексеевич Хвостов, член Государственного Совета, честный и нейтральный „чиновник".

После отставки Маклакова, Сухомлинова, Саблера, Щегловитова в правительстве не остается ни одного министра, который не был бы сторонником Союза и решительным сторонником продолжения войны. С другой стороны отмечают, что Саблер и Щегловитов были главными союзниками Распутина.

Графиня Н. говорит мне:

— Царь воспользовался своим пребыванием в Ставке для того, чтобы принять эти важные решения... Он ни с кем не советовался, даже с царицей... Когда известие об этом дошло до Царского Села, Александра Федоровна была потрясена; она даже отказывалась верить этому... Г-жа Вырубова была в отчаянии... Распутин заявляет, что все это предвещает великие бедствия.

Четверг, 22 июля 1915 г.

Распутин только что уехал в свое родное село Покровское, возле Тюмени, в Тобольской губ. Его поклонницы, „распутницы“, как их прозвали, уверяют, что он уехал отдохнуть „по совету своего врача“ и что он скоро вернется. На самом же деле, царь предписал ему уехать.

Это новый обер-прокурор Синода добился приказа о выезде.

Едва вступив в отправление своих обязанностей, Самарин заявил царю, что не в состоянии был бы исполнять их, если бы Распутин продолжал за кулисами вмешиваться в церковное управление. Затем, ссылаясь на свое старинное московское происхождение, на свой титул предводителя дворянства, он описал прискорбное раздражение, которое поддерживают в Москве скандалы „Гришки“ и которое уже больше не останавливается перед престижем августейшего имени. Наконец, он решительно заявил:

— Через несколько дней соберется Дума. Я знаю, что несколько депутатов намерены интерпеллировать меня о Григорие Ефимовиче и его закулисных махинациях. Моя совесть обязывает меня сказать все, что я думаю.

Царь ответил только:

— Хорошо. Я подумаю.

Четверг, 29 июля 1915 г.

Проходя через сквер на берегу Фонтанки, у мрачного дворца, в котором 23 марта 1801 г. Павел I

так ловко был спроважен в лучший мир, я встретил Александра Сергеевича Танеева.

Государственный секретарь, гроссмейстер Двора, член Государственного Совета, директор Собственной Е. В. канцелярии, Танеев, отец Анны Вырубовой и один из главных покровителей Распутина.

Мы вместе делаем небольшой круг по скверу. Он расспрашивает меня о войне. Я выражаю абсолютный оптимизм и жду, что он ответит. Сначала он как-будто соглашается со всем, что я говорю; но скоро в фразах, более или менее прикрытых, он начинает изливать свое беспокойство и печаль.

Он говорил: „Ища аргументов в пользу вегетарианства, Толстой кончает одну из своих статей описанием отвратительной бойни: „Резали свинью. Один из ассистентов полосовал ей ножом шею. Животное издавало пронзительное и жалобное хрюканье; был момент, когда оно вырвалось из рук своего палача и побежало, обливаясь кровью. Издали, так как я близорук, я не различал подробностей сцены; я видел только тело свиньи, розовое, как тело человека, и слышал ее отчаянное хрюканье. Но кучер, сопровождавший меня, пристально смотрел на все, что происходило. Свинью снова поймали, повалили и довели до конца кромсанье. Когда хрюканье прекратилось, кучер испустил глубокой вздох. Возможно ли, сказал он наконец, возможно ли, чтоб они не ответили за это“.

За три месяца, с тех пор, как русская кровь течет беспрерывно на равнинах Польши и Галиции, сколько „мужиков“ должны были подумать: „Возможно ли, чтоб они не ответили за все это“.

Пятница, 30 июля 1915 г.

Сессия Думы откроется через три дня. Но много депутатов уже с‘ехалось в Петроград, и Таврический дворец очень оживлен.

Из всех губерний несется один и тот же крик: „Россия в опасности. Правительство и режим ответственны за военные неудачи. Спасение страны требует прямого содействия и беспрерывного контроля народного представительства. Более чем когда-либо русский народ готов продолжать войну до победы...“ Слышны также почти во всех группах резкие, открытые протесты против фаворитизма и взяточничества, против германских влияний при Дворе и в высшей администрации, против Сухомлинова, Распутина, царицы.

С другой стороны, депутаты крайней правой, члены „Черного блока“, оплакивают уступки, сделанные царем либерализму, и энергично высказываются за крайнюю реакцию.

Пятница, 13 августа 1915 г.

Очень активный и даже несколько экзальтированный корифей „либерального национализма“ С., бывший гвардейский офицер, просил меня вчера принять его для продолжительной конфиденциальной беседы.

Я принимаю его сегодня днем и, как я ни привык к пессимизму, я поражен серьезным, сосредоточенным, скорбным выражением его лица.

— Никогда,— говорит он,— я так не беспокоился. Россия в смертельной опасности; ни в один период

своей истории она не подвергалась большей опасности. Немецкий яд, два века действующий в ее жилах, убивает ее. Ее может спасти только народная революция.

— Революция во время войны... Вы забыли о войне...

— Нет, право, не забыл. Революция, какой я ее предвижу и желаю, была бы единовременным освобождением всего народного динамизма: великолепным освобождением всей славянской энергии... После нескольких дней неизбежных потрясений, допустим даже месяц смуты и паралича; Россия восстала бы в величии, какого вы и не подозреваете. Вы увидели бы тогда, какие запасы моральной энергии таятся в русском народе. Он обладает неисчислимыми резервами мужества, воодушевления, благородства. Это величайший в мире очаг идеализма.

Он продолжает превозносить магическое действие возрождения, которого он ждет от народного восстания.

— Прежде всего,—говорит он,—надо бить в верхушку, в голову. Царь мог бы быть оставлен на троне, потому что, если ему и недостает воли, он в сущности все таки патриот. Но царицу и ее сестру, в. к. Елизавету Федоровну, московскую игуменью, надо было бы заточить в монастырь на Урале, как сделали бы некогда при наших великих царях. Затем весь „Потсдамский Двор“, всю клику балтийских баронов, всю камарилью Вырубовой и Распутина надо сослать в глубь Сибири. Наконец, в. к. Николай Николаевич должен немедленно сложить с себя обязанности главнокомандующего...

— В. к. Николай Николаевич... Вы не верите его патриотизму? Вы не считаете его достаточно

русским, достаточно анти-немцем? Чего же вам еще надо?..

— Я согласен с вами, что он патриот, что он обладает волей. Но он слишком плохо справляется со своей задачей. Это не вождь, это икона. А нам нужен вождь.

Он кончает слишком верным изображением армии:

— Она все еще поражает героизмом и самоотверженностью, но она не верит больше в победу, она наперед сознает себя принесенной в жертву, как стадо, которое ведут на бойню. В один прекрасный день, может быть, скоро, наступит полное уныние, пассивная покорность, она будет отступать без конца, не будет больше бороться, не будет сопротивляться.

Я ему возражаю, что военное положение, как оно ни плохо, далеко не отчаянное, что народное движение, во главе которого стала Дума, обнадеживает и что при методичности, упорстве и энергии все прошлые ошибки могут быть еще исправлены.

— Нет,—восклицает он с мрачной энергией,—нет! Дума не в состоянии бороться с оффициальными и закулисными силами, которыми располагает немецкая партия.

Воскресение, 22 августа, 1915 г.

Распутин недолго оставался в своей сибирской деревне. Он вернулся три дня тому назад, у него были уже продолжительные беседы с царицей.

Царь на фронте.

Среда, 25 августа, 1915 г.

Когда я вышел сегодня утром к Сазонову, он немедленно об'явил мне бесстрастным оффициальным тоном:

— Г. посол, я должен вам сообщить важное решение, только что принятое е. в. императором и которое я прошу вас хранить в тайне, впредь до нового сообщения. Е. в. решил освободить в. к. Николая Николаевича от обязанностей главнокомандующего, назначив его наместником на Кавказ, вместо гр. Воронцова-Дашкова, которого состояние его здоровья вынуждает выйти в отставку. Е. в. лично принял высшее командование армией.

Я спрашиваю:

— Вы сообщаете мне не намерение, а твердое решение.

— Да, это непреложное решение императора, он об'явил его вчера своим министрам, добавив, что он не допускает никакого обсуждения.

— Будет император фактически главнокомандующим?

— Да, в том смысле, что он впредь будет жить в Ставке и высшее руководство операциями будет исходить от него. А что касается подробностей командования, он их поручит новому Начальнику Главного Штаба, которым будет генерал Алексеев. Впрочем, Ставка будет переведена ближе к Петербургу, ее переведут, вероятно, в Могилев.

Мы некоторое время молчим и смотрим друг на друга. Потом Сазонов продолжает:

— Теперь, когда я оффициально сообщил Вам все, что должен был сообщить, мой дорогой друг, я

могу вам признаться, что я в отчаянии от принятого царем решения. Вы помните, что в начале войны он хотел уже стать во главе своих войск, и все его министры, я первый, умоляли его не делать этого. Наши возражения имеют теперь еще больше оснований. По всей вероятности наши испытания не скоро кончатся. Нужны месяцы для того, чтобы реорганизовать нашу армию и дать ей возможность продолжать бой. Что произойдет в это время? До каких пор мы вынуждены будем отступать? Не страшно ли подумать, что впредь царь лично будет ответственен за все несчастья, которые нам угрожают. И если по вине одного из наших генералов мы потерпим поражение, это будет не только военное поражение, но одновременно поражение политическое и династическое.

— Но,—сказал я,—по каким мотивам царь решился на такую важную меру, не пожелав даже выслушать своих министров?

— По многим мотивам. Во-первых, потому что в. к. Николай не справился со своей задачей. Он человек энергичный, пользуется доверием в армии, но у него нет ни знаний, ни кругозора, необходимых для руководства операциями в таком масштабе. Как стратег, Алексеев стоит гораздо выше его. Поэтому мне было бы вполне понятно, если бы Алексеев был назначен главнокомандующим.

Я настаиваю:

— Какие еще мотивы заставили царя решиться принять самому командование?

Сазонов на мгновение останавливает на мне печальный и усталый взгляд. Затем как-то неуверенно отвечает.

— Царь, вероятно, хотел показать, что для него настал час использовать высшую прерогативу монарха, — стать во главе своих войск. Никто не сможет впредь усомниться в его воле продолжать войну до последних жертв. Если у него были еще другие мотивы, я предпочитаю не знать их.

После этих сибиллических слов я растаюсь с ним. Вечером я узнал из лучшего источнника, что опала в. к. Николая давно подготовлялась его непримиримым врагом, бывшим военным министром, генералом Сухомлиновым, который, несмотря, на свои скандальные злоключения, сохранил тайное влияние на царя и царицу. Ход военных операций, в особенности в последние месяцы, доставлял ему слишком много поводов приписать все несчастья армии неспособности главнокомандующего. Кроме того, именно он, при поддержке Распутина и генерала Воейкова, мало-по-малу убедил царя и царицу, что в. к. Николай старается создать себе в войсках и даже в стране нездоровую популярность в надежде занять трон при помощи восстания. Приветствия по его адресу во время недавних беспорядков в Москве дали его врагам в руки очень сильный аргумент. Царь, однако, не решался на такую важную меру, как перемена главнокомандующего, в самый критический фазис общего отступления. Участники интриги представили тогда царю дело так, что времени терять больше нельзя; в самом деле, генерал Воейков, который заведует царской охраной, заявил, что его полиция напала на след заговора против царя и царицы, главным участником которой был один из состоящих при них офицеров. Царь все еще противился. Тогда апелировали к религиозному чувству. Царица с Распу-

тиным повторяли ему неустанно: „Когда трон и отечество в опасности, место самодержца во главе его войск. Предоставить это место другому, значит нарушить волю божью“.

Впрочем, „старец“, чрезвычайно болтливый от природы, не скрывает того, каким языком он говорит в Царском Селе; он вчера еще говорил об этом в тесном кругу, где он разглагольствовал битых два часа с тем импровизированным, стремительным и беспорядочным воодушевлением, которое делает его иногда очень красноречивым. Насколько я могу судить по дошедшим до меня обрывкам его речей, доводы, которые он приводит царю, выходят далеко за пределы актуальных вопросов политики и стратегии: он защищает тезис религиозный. Из его красочных афоризмов, из которых многие, вероятно, ему просуфлированы его друзьями из Синода, выступает доктрина: „Царь не только вождь и светский повелитель своих подданных. Священное помазание коронования налагает на него по отношению к ним безконечно более высокую задачу; оно делает его их представителем, заступником и ходатаем перед Верховным Судьей; таким образом, оно обязывает его принимать на себя все ошибки и несправедливости так же, как и все испытания и страдания своего народа, отвечать за первые и вести счет вторым перед Богом...“

Воскресение, 29 августа, 1915 г.

Впервые за Распутина принялась пресса. До сего дня цензура и полиция защищали его от всякой критики в газетах. Кампанию открыли „Биржевые Ведомости“.

Откровенно рассказаны его прошлое, его темное происхождение, его воровство, кутежи, разврат, интриги, его скандальные связи с высшим обществом, с высшими сановниками и высшим духовенством. Но, с большим тактом, избежали всякого намека на его близость к царю и царице. „Автор этих разоблачений задается вопросом, как это может быть, что бы такой гнусный авантюрист мог так долго издеваться над Россией. Не поразительно ли, что оффициальная Церковь, Св. Синод, аристократия, министры, Сенат, множество членов Гос. Совета и Думы могли сговориться с такой канальей. Не является ли это самым страшным обвинением, какое только можно формулировать против режима... Вчера еще политический и социальный скандал, вызываемый именем Распутина, казался совершенно естественным. Сегодня Россия требует прекращения его“...

Хотя сообщенные „Биржевыми Ведомостями“ факты и анекдоты давно всем известны, разоблачение тем не менее производит сильное впечатление. Восхищаются тем, что новый министр внутренних дел, князь Щербатов, разрешил напечатать эту диатрибу, но все единодушно предсказывают, что он недолго сохранит свой портфель.

Воскресенье, 5 сентября, 1915 г.

Царь выехал вчера в Ставку, где он сегодня вступает в отправление обязанностей главнокомандующего.

Перед своим от'ездом он подписал изумившее и огорчившее всех постановление: он без всякой мотивировки дал отставку Начальнику своей военной канцелярии князю Владимиру Орлову.

Связанный с Николаем двадцатилетней дружбой, посвященный, благодаря своей должности, в повседневную и интимную жизнь царя, но всегда сохранявший независимость характера и откровенность с царем, он не переставал вести борьбу против Распутина. Впредь среди приближенных царя и царицы не будет ни одного лица, которое не было бы покорно „старцу“.

Воскресенье, 12 сентября, 1915 г.

Положение русских войск в Литве быстро ухудшается; к северо-востоку от Вильны неприятель форсированным маршем продвигается через Вилькомир к Двинску; кавалерийские патрули его доходят уже у Свенцян до железной дороги, единственной артерии, соединяющей Вильну с Двинском, Псков с Петроградом. Южнее, после упорных боев при впадении Зелвянки в Неман, неприятель у Лиды, угрожает большой дороге из Вильны в Пинск. Следовательно, придется поспешно эвакуировать Вильну.

Вот несколько точных справок об условиях, при которых пришлось князю Владимиру Орлову, несколько дней тому назад, оставить ответственный пост, который он в течение стольких лет занимал при царе.

Владимир Николаевич узнал о своей опале косвенно и случайно. Царь, извещая в. к. Николая о том, что он назначает его наместником на Кавказе, прибавил к своему письму пост-скриптум: „Что касается Владимира Орлова, которого ты так любишь, я уступаю его тебе; он сможет быть тебе полезным в гражданских делах“. Великий князь, близкий друг

Орлова, тотчас послал к нему одного из своих ад'ютантов спросить, что означало это неожиданное решение. Спустя несколько часов, Орлов узнал, что царь, готовясь выехать в Ставку, вычеркнул его фамилию из списка лиц, которым назначены были места в царском поезде; он из этого сделал тот вывод, что Николай не хочет его больше видеть. С полным достоинством, он воздержался от всякой жалобы, от всякого упрека и отправился в Тифлис.

Среда, 15 сентября, 1915 г.

Вечером я обедал в одном нейтральном доме с Максимом Ковалевским, Милюковым, Маклаковым, Шингаревым, с главным штабом, с цветом либеральной партии. В любой стране этот обед был бы вещью самой естественной. Здесь пропасть между официальным миром и прогрессивными элементами так глубока, что я ожидаю, что меня сильно будут критиковать в благонамеренных кругах. А между тем эти люди безупречной честности, глубоко культурные, меньше всего революционеры; весь их политический идеал резюмируется конституционной монархией. Поэтому Милюков, крупный историк, автор „Очерков по истории русской культуры", мог сказать в первой Думе: „мы не оппозиция против е. в., мы оппозиция его величества".

Когда я пришел, все окружали Ковалевского и с удрученным видом о чем-то оживленно говорили; они только что узнали, что правительство решило отсрочить созыв Думы. Таким образом, розовые надежды, возбужденные шесть недель тому назад в начале сессии, уже сведены к нулю; образование от-

ветственного министерства — химера, победил „Черный Блок"; это — торжество личной власти, самодержавного абсолютизма и закулисных сил. . . Весь обед проходит в расшифровании мрачных перспектив, открывающихся благодаря этому неожиданному возвращению реакции.

После ужина какой-то журналист сообщил, что указ об отсрочке созыва Думы был подписан сегодня днем и будет опубликован завтра.

Я с Ковалевским и Милюковым уединяемся в углу салона. Они сообщают мне, что в виду оскорбления, нанесенного народному представительству, они хотят уйти из смешанных комиссий, недавно образованных при военном министерстве для интенсифицирования работы заводов.

Я энергично указываю им на то, насколько такое их поведение было бы неуместно, даже преступно.

— Не мое дело входить в оценку ваших мотивов и ваших политических расчетов. Но, как посол союзной Франции, принявшей участие в войне для защиты России, я имею право напомнить вам, что перед лицом неприятеля вы должны воздержаться от всякого акта, от всякой манифестации, которые могли бы ослабить вашу военную мощь.

Они обещают мне подумать. В заключение Ковалевский говорит:

— Эта отсрочка созыва Думы — преступление. Если бы хотели ускорить революцию, нельзя было придумать ничего лучше.

Я спросил его:

— Вы думаете, что настоящий кризис может привести к революционным потрясениям?

Он обменивается взглядом с Милюковым. Затем, пристально устремив на меня свой светлый, умный взгляд, он отвечает:

— Поскольку это будет зависеть от нас, во время войны революции не будет.. Но скоро, может быть, — это не от нас будет зависеть.

Вторник, 12 октября 1915 г.

По словам г-жи Вырубовой, сказанным ею вчера вечером в некоем благочестивом доме, где молятся на Распутина, хорошее настроение, уверенность, бодрость, которые я наблюдаю у царя, вызываются, главным образом, восторженными похвалами, которыми осыпает его царица с тех пор, как он ведет себя" настоящим самодержцем". Она ему беспрерывно повторяет: „Теперь вы достойны ваших величайших предков; я уверена, что они гордятся вами и с высоты небес благословляют вас... Теперь, когда вы вступили на путь, указанный божественным Провидением, я больше не сомневаюсь в нашей победе как над внешними, так и над внутренними врагами; вы спасаете одновременно страну и трон... Как мы были правы, что послушались нашего дорогого Григория. Как его молитвы перед Богом помогают нам"...

Оказывает ли Распутин на царя такое же влияние, как и на царицу? Нет, разница значительная.

Александра Федоровна по отношению к „старцу" находится как бы в состоянии гипноза. Какое бы он ни высказал мнение, какое бы желание ни формулировал, она тотчас соглашается, повинуется; идеи, которые он ей внушает, входят в ее мозг, не вызывая ни малейшего сопротивления. Со стороны царя под-

чинение гораздо менее пассивно, гораздо менее полно. Он, конечно, верит, что Григорий „человек божий“, но однако, сохраняет по отношению к нему большую долю своей свободной воли; он никогда не уступает ему сразу. Эта относительная независимость обнаруживается в особенности, когда „старец“ вмешивается в политику. Тогда Николай II отделывается молчанием и недомолвками; он уклоняется от тягостных вопросов, оттягивает решительный ответ; во всяком случае подчиняется лишь после долгой внутренной борьбы. Но в области нравственной и религиозной царь сильно подчинен влиянию Распутина; он почерпает в этом подчинении много силы и спокойствия, как он признался недавно одному из своих ад‘ютантов Д., сопровождавшему его во время прогулки.

— Я не об‘ясняю себе, — говорил ему царь, — почему князь Орлов был так вооружен против Распутина; он не переставал дурно отзываться о нем и повторять мне, что его дружба гибельна для меня. Как раз наоборот.. Вот посмотрите: когда у меня забота, сомнение, неприятность, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтоб тотчас почувствовать себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели...

Суббота, 9 ноября 1915 г.

Реакционное влияние, унесшее месяц тому назад министра внутренних дел Щербатова и обер-прокурора Синода Самарина, унесло еще одну жертву: министр земледелия Кривошеин освобожден от исполнения своих обязанностей под туманным предлогом состояния здоровья.

С качествами прекраснаго администратора, Кривошеин соединяет редко встречающийся в России темперамент государственного человека; он, без сомнения, самый выдающийся представитель либерального монархизма. Он пал по вине Распутина, обвинявшего его в сношениях с революционерами. А между тем я не думаю, чтоб конституционный идеал Кривошеина выходил из пределов французской хартии 1814 г. И за его религиозное благочестие я готов поручиться не меньше, чем за его лойяльность по отношению к династии.

Итак, правителство, возглавляемое Горемыкиным, насчитывает только двух либеральных министров: Сазонова и генерала Поливанова.

Суббота, 8 января 1916 г.

Под влиянием Распутина и его шайки моральный авторитет русского духовенства падает с каждым днем.

Одним из последних фактов, шокировавших сознание верующих, является конфликт, возникший этой осенью между Варнавой и Синодом по поводу канонизации архиепископа Иоанна Тобольского.

Два с половиной года тому назад Варнава был невежественным и беспутным монахом, когда Распутину, его другу детства и веселому собутыльнику из Покровского, пришла в голову фантазия сделать его епископом. Это назначение, против которого Синод протестовал, открывает эру крупных религиозных скандалов.

Но, едва облаченный своим высоким саном, преосвященный Варнава задумал создать в своем епископате место поклонения, которое служило бы одновременно

интересам св. Церкви и его личным интересам. Туда стекались бы, конечно, паломники, а также дары, ибо за чудесами дело не стало бы. Распутин сейчас же оценил прекрасные результаты, которые можно было надеяться извлечь из этого благочестивого предприятия. Он, однако, полагал, что для того, чтобы сделать чудеса более надежными, более обильными, более поразительными, следовало бы добыть новые мощи нового святого или, еще лучше, мощи святого, нарочно для этого случая канонизированного; в самом деле, он часто наблюдал, что новые святые любят проявлять свою чудотворную силу, тогда как давно прославленные, повидимому, не находят в этом никакого удовольствия. Под рукой были как раз новые мощи; то был труп архиепископа Иоанна Максимовича, умершего в Тобольске в 1715 г. Преосвященный Варнава немедленно приступил к процедуре канонизации, но Синод, узнав всю подноготную, приказал церемонию отложить. Епископ ослушался и собственной властью, вопреки всем правилам, издал постановление о причислении архиепископа Иоанна„ раба божьего“ к лику „святых“; затем, он обратился непосредственно к царю за конфирмацией, необходимой заключительной формальностью всякой канонизации. Царь и на этот раз уступил царице и Распутину: он лично подписал телеграмму, возвещавшую преосвященному Варнаве августейшую конфирмацию.

В Синоде клика Распутина ликовала. Но большинство коллегии решило не допускать такого скандального нарушения канонических законов. Обер-прокурор Самарин, которого, по настоянию московского дворянства, царь как раз в это время выбрал в преемники подхалиму Саблеру, всеми силами под-

держивал протестантов. Не доложив даже об этом царю, он вызвал из Тобольска преосвященного Варнаву и велел ему отменить постановление о канонизации. Епископ ответил решительным и дерзким отказом:„ Мне все равно, что может говорить и думать Синод. С меня довольно телеграммы о конфирмации, которую я получил от е. в...“ Тогда, по инициативе Самарина, Синод постановил, что презревший канонические законы епископ будет лишен кафедры и сослан в монастырь. Но на это тоже надо было получить санкцию царя. Самарин мужественно взялся уговорить царя; он употребил на это все свое красноречие и энергию, лойяльность и благочестие. Николай II слушал его с выражением досады и нервными жестами; наконец, он сказал:„ Моя телеграмма епископу была, может-быть, очень некорректна. Но что сделано то сделано. И я сумею заставить всех уважать мою волю“.

Через восемь дней обер-поркурор Самарин был заменен никому неизвестным, раболепным чиновником, приятелем Распутина, Александром Волжиным. А вскоре председатель Синода, преосвященный Владимир, митрополит Петроградский, был переведен митрополитом в Киев, чтобы уступить высший религиозный сан в Империи другой креатуре Распутина, архиепископу Владикавказскому, преосв. Питириму.

Четверг, 3 февраля 1916 *г.*

Одновременно с выходом в отставку председателя Сов. Министров Горемыкина, получил отставку министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов. Штюрмер получает оба эти поста.

Опала Хвостова — дело рук Распутина. С некоторого времени между ними шла борьба не на живот, а на смерть. На этот счет распространяются самые вздорные, самые фантастические слухи. А именно утверждают, что Хвостов хотел убить Распутина при помощи преданного ему агента Бориса Ржевского в соучасти с бывшим другом Распутина, ставшим его злейшим врагом, монахом Иллиодором, проживающим в настоящее время в Христиании. Но директор департамента полиции, креактура Распутина, перехватил доказательства заговора и препроводил их прямо царице. Вот чем об'ясняется неожиданное смещение министра.

Суббота, 5 февраля 1916 *г.*

Последние три дня я со всех сторон собирал сведения о новом Председателе Сов. Мин., и то, что я узнал, меня не радует.

Шестидесяти семи лет, он ниже посредственности; ограниченный ум, мелочная душа, низменный характер, подозрительная честность, никакого опыта, никакого знания в крупных делах; во всяком случае, довольнно изощренный талант к хитрости и лести.

Семья его германского происхождения, как показывает это его фамилия; он внучатый племянник барона Штюрмера, бывшего комиссаром австрийского правительства, сторожившим Наполеона на Св. Елене.

Ни его личные качества, ни его прошлая административная карьера, ни его общественное положение не давали ему права на высокий пост, который ему вверен, ко всеобщему удивлению. Но его назначение становится понятным, если допустить, что он был выбран, как орудие, т. е. именно за свою незначин-

тельность и гибкость. Выбор этот был сделан под влиянием камарильи царицы и энергично поддержан перед царем Распутиным, с которым Штюрмер близко связан. Это предвещает нам счастливые дни.

Среда, 9 февраля 1916 г.

Вот точное изложение таинственных обстоятельств, приведших к опале министра внутренних дел Алексея Хвостова: они дают грустное освещение внутренней подоплеке режима.

Когда в октябре месяце прошлого года Алексей Хвостов получил портфель министра внутренних дел, назначение это было сделано царем не только по указанию, но по настоянию Распутина и г-жи Вырубовой. Великосветский мошенник, князь Андронников, близкий приятель „старца", его обычный маклер, его главный сводник, играл в этом деле очень активную роль. Таким образом, назначение Хвостова было победой камарильи царицы.

Но скоро возник личный конфликт между новым министром и его товарищем министра, хитрым Директором департамента полиции, Белецким. В этом мире низких интриг, ревнивого соискательства и тайного соперничества, взаимное недоверие и безконечные ссоры. Хвостов, таким образом, мало-по-малу оказался в ссоре со всей шайкой, поставившей его у власти. Тогда, чувствуя себя погибшим, он тайно направил пушки на своих. А так как его честолюбие состоит, главным образом, из цинизма, смелости и гордости, он тотчас сообразил, какую великолепную, всероссийскую роль он мог сыграть, избавив Россию от Распутина.

Как раз в это время он узнал, что монах Иллиодор, известный своей прежней связью со старцем, ставший потом его смертельным врагом и вынужденный в настоящее время жить в изгнании в Христиании, закончил книгу, полную скандальных разоблачений о его сношениях с Двором и с Гришкой.

Хвостов немедленно сделал попытку приобрести рукопись, в которой он надеялся получить всемогущее орудие для того, чтобы заставить царя прогнать Распутина, если не развестись с царицей. Но, вполне основательно не доверяя оффициальной полиции, он не хотел посвящать в это дело „охранку“ и отправил в Христианию одного из своих личных агентов, темного журналиста, уже неоднократно подвергавшегося осуждению, Бориса Ржевского. В то время, как последний готовился пробраться через Финляндию в Норвегию, его жена, оставшаяся в Петрограде и хотевшая ему отомстить за его грубость, донесла о всей махинации Распутину, который немедленно призвал своего друга, директора департамента Белецкого. Этот сановник обладает всеми профессиональными качествами, находчив и хитер, не знает колебаний, не допускает другого принципа, кроме государственной пользы и способный на все для сохранения царской милости. Он немедленно решил захватить своего министра с поличным. Маневр был деликатный. Он поручил его одному из своих лучших исполнителей, жандармскому полковнику Туфаеву, который был в тот день дежурным в Белоострове на финляндской границе. По прибытии поезда на эту станцию, Борис Ржевский устремился в буфет. Полковник Туфаев, поджидавший его при проходе, делает вид, будто тот его толкнул и, якобы теряя равновесие, сапогом

наступает ему на ногу. Ржевский взвыл от боли, а офицер притворяется, будто принял этот крик за оскорбление. Поставленные тут же два жандарма хватают нахала и отводят его в помещение бюро. У него спрашивают документы, обыскивают его; он сначала заявляет, что он едет по поручению министра внутренних дел с целью, в которой он никому, кроме его превосходительства, отчета давать не обязан. Ему якобы не верят, донимают его предательскими вопросами... как умеет „охранка“ донимать людей, которые попадаются ей в руки; его основательно „обрабатывают“. Испугавшись, но сообразив скоро, чего они от него добиваются, он заявляет, наконец, что получил от Хвостова поручение организовать вместе с Иллиодором убийство Распутина... Записывают его показания в протокол, который отправляют к Директору департамента полиции, а последний немедленно доставляет его в Царское Село. На следующий день Хвостов больше не был министром.

Воскресенье, 13 февраля 1916 г.

Возрастающее расположение царицы, которым, повидимому, пользуется Штюрмер, и доверие, которое ему в кредит оказывает царь, поддерживают сильное брожение в Синоде. Вся Распутинская клика ликует. Митрополит Питирим, епископ Варнава и Исидор чувствуют себя уже хозяевами духовной иерархии; они возвещают близкую и радикальную чистку высшего духовенства, т. е. принесение в жертву всех епископов, игуменов и архимандритов, которые еще отказываются преклониться перед мистиком-эротоманом из Покровского потому, что видят в нем

антихриста. В последние дни распространяются списки подлежащих опале и смещению, даже списки подлежащих ссылке в те отдаленные сибирские монастыри, откуда никто не возвращается.

Поют „осанна“ и у „матерей Церкви“, у графини И. и г-жи Г.

Бывший министр Кривошеин, подавленный, с отчаянием и отвращением, говорил мне вчера:

— То, что происходит, и то, что готовится, отвратительно. Никогда еще Синод не падал так низко... Именно так надо было бы действовать, стремясь истребить в народе всякое уважение к религии, всякую веру. Что останется скоро от Православной Церкви? В тот день, когда царизм, находясь в опасности, захочет опереться на нее, он не найдет ничего... Я тоже начинаю верить, что Распутин антихрист.

Вторник, 15 февраля 1916 *г.*

Несколько дней тому назад в. к. Мария Павловна дала мне понять, что ей приятно было бы пообедать в посольстве „в тесном кругу“. Я пригласил ее на сегодняшний вечер. Вокруг нее я сгрупировал Сазонова и г-жу Сазонову, сера Джорджа и леди Джорджину Бьюкенен, генерала Николаева, князя Константина Радзивилла, Димитрия Бенкендорфа и мой персонал.

Согласно этикету императорского Двора, я ожидаю в. к. внизу у лестницы, где я ей предлагаю руку. Пока мы поднимаемся по лестнице, она говорит мне:

— Я счастлива находиться в французском посольстве, т. е. на французской территории. Я уже

давно научилась любить Францию. И с тех пор всегда верила в нее.... В настоящее время я чувствую к вашей родине не только привязанность, а восхищение и обожание.

Обменявшись несколькими словами с другими гостями, мы направляемся в столовую. Опираясь на мою руку, в. к. тоном признательности шепчет мне на ухо:

— Благодарю вас за то, что вы выбрали мне такое приятное соседство; с вами, с Сазоновым, Бьюкененом, я чувствую себя совершенно спокойной. А у меня такая потребность чувствовать себя спокойной... Я уверена, что прекрасно проведу вечер.

За столом мы касаемся различных злободневных сюжетов, исключая политику. Затем в. к. говорит со мной о своей благотворительной работе в лазаретах, санитарных поездах, приютах для беженцов, профессиональных школах для слепых и увечных и пр.; она вкладывает в эту работу много энергии, ума и души. Затем она сообщает мне проект, который она выработала в качестве председательницы императорской академии художеств.

— Немедленно по окончании войны, я хотела бы организовать в Париже выставку русского искусства; у нас, в церквах, скрыты сокровища живописи и ювелирного искусства; я могла бы вам показать средневековые иконы, такие же прекрасные, такие же трогательные, как фрески Джотто. Можно было бы выставить также декоративные изделия наших крестьян, все эти „кустарные вещи“, которые свидетельствуют об оригинальном и многогранном вкусе нашего народа. Пока я держу свою идею про себя; впрочем она еще не созрела. Но я скоро постараюсь распро-

странить ее в публике. Злые языки не преминут заявить, что она преждевременна; во всяком случае она доказывает, что я не сомневаюсь в нашей победе...

После обеда она долго разговаривает с Бьюкененом, затем приглашает знаком Сазонова, который садится возле нас.

Сазонов относится с уважением и симпатией к в. к. Марии Павловне; он считает ее мужественной благородной, рассудительной; он уверяет, что она никогда не имела случая проявить себя; он об'ясняет ее суетность второстепенностью ролей, какие ей всегда отводились. Однажды он даже проговорился: „Вот ей бы быть императрицей. Вначале она, может быть, плохо справлялась бы с задачами, лежащими на царице, но она привыкла бы, прекрасно поняла бы свои обязанности и, мало по малу, дошла бы до совершенства“:

Я издали наблюдаю их беседу. Она слушает с серьезным вниманием, лицо ее время от времени расцветает искусственной улыбкой. Но Сазонову, такому нервному по темпераменту, такому прямому и искреннему в своих словах, незнакомо искусство владеть своим лицом и жестами. Так, по одному блеску его глаз, по подергиваниям в его лице, по дроби, которую отбивают его пальцы на его колене, я догадываюсь, что он изливает перед в. к. всю горечь, которая накопилась у него в душе.

В тот момент, когда он уступает место Джорджине, входит певица Лирического Театра Бриан, у которой очень чистое и прелестного тембра сопрано. Она поет нам мелодии Балакирева, Массенэ, Форэ, Дебюсси. Во время антрактов, вокруг в. к. продолжается оживленная беседа.

Когда подали чай, я подошел к е. и. в., которая под предлогом осмотра гобеленов посольства, предлагает мне пройтись с ней по салонам. Перед великолепной декорацией Труа „Торжество Мардохея“ она меня останавливает:

— Сядем,—говорит она грустно.—Все, что Сазонов мне только что рассказывал, ужасно; царица помешалась, царь ослеплен, ни один, ни другая не видят, не хотят видеть, куда их ведут.

— Неужели нет никакой возможности раскрыть им глаза?

— Никакой.

— А вдовствующая императрица?

— Я недавно провела два часа с Марией Федоровной. Мы могли только излить друг перед другом свои жалобы.

— Почему она не поговорит с царем?

— У нее для этого достаточно и мужества, и желания. Но лучше ей воздержаться от этого. Она слишком откровенна, слишком вспыльчива. Лишь только начнет журить сына, она раздражается; она говорит ему иногда противоположное тому, что ему следовало бы сказать; она его оскорбляет. Тогда он становится на дыбы, напоминает своей матери, что он царь. Они расстаются в ссоре.

— Итак, Распутин все еще в славе.

— Более, чем когда-либо.

— Думаете ли вы, ваше высочество, что Союз в опасности.

— О, нет. Царь останется верен Союзу, ручаюсь вам в этом; но я боюсь, что мы идем к крупным внутренним потрясениям. И, конечно, это отразится на нашей военной промышленности.

— Что равносильно тому, что Россия, не отказываясь прямо от своей подписи, не выполнит всех своих обязанностей союзницы. В таком случае, какую пользу может она надеяться извлечь от результатов военных операций. Если русские войска не будут напрягать своих усилий до конца с величайшей энергией, огромные жертвы, которые вот уже двадцать месяцев приносит русский народ, окажутся совершенно напрасными. Россия не только не получит Константинополя, но потеряет Польшу и, может быть, еще другие территории.

— Это мне только что говорил Сазонов.

— В каком настроении нашли вы его?

— Я нашла его печальным, озабоченным, очень раздраженным противодействием, которое он встречает со стороны некоторых из своих коллег. Но, слава Богу, он не обнаружил никакого уныния. Он, наоборот, полон одушевления и решительности.

— Это благородная душа и полный достоинства характер.

— Зато я могу вас уверить, что он очень дружественно относится к Бьюкенену и к вам. Он так свыкся с вами обоими... Но уже становится поздно, мой дорогой посол, надо мне проститься с вами и с вашими гостями.

Когда она простилась со всеми, я предложил ей руку, чтобы проводить ее до вестибюля. Спускаясь по лестнице, она замедлила шаг, чтобы сказать мне:

— Мы, очевидно, вступаем в период тяжелый, даже опасный, приближение которого я давно чувствовала. Мое влияние невелико и, по многим мотивам, мне приходится соблюдать полную осторожность. Но я вижусь со многими лицами, которые имеют,

и с кое-какими другими, которые иногда имеют возможность, заставить себя выслушать. В этих пределах я буду помогать вам всем своим влиянием. Расчитывайте на меня.

— Я глубоко признателен в. и. в.

Четверг, 24 февраля 1916 г.

Сегодня вечером у меня обедала княгиня П.; я пригласил, кроме того, моего итальянского коллегу, маркиза Карлотти и еще человек двадцать, в том числе генерала Николая Врангеля, ад'ютанта в. к. Михаила.

Открытие Думы служит главным сюжетом разговоров. Княгиня П. громко одобряет присутствие царя на церемонии:

— Я не удивлю вас,—прибавлеет она,—что этот либеральный жест пришелся очень не по вкусу царице, которая до сих пор не может успокоиться.

— А Распутин?

— Божий человек изливается в жалобах и дурных предзнаменованиях.

Генерал Врангель, тонкий скептик, придает посредственное значение манифестации царя.

— Поверьте мне, говорит он, для е. в. императора, самодержавие всегда останется незыблемой догмой.

Суббота 26 февраля 1916 г.

Недавнее назначение преосвященного Питирима митрополитом Петроградским, сделало Распутина полным хозяином Церкви.

Так, Св. Синод вынужден был капитулировать, торжественно утвердив канонизацию „раба божьего“ Иоанна Тобольского.

Друг Распутина, цинический епископ Варнава, не рассчитывал на такую скорую блестящую победу. В довершение всего он будет возведен в сан архиепископа.

Четверг, 23 марта 1916 г.

Обед в посольстве; я пригласил человек двадцать русских, в том числе Шебеко, бывшего послом в Вене в 1914 г., затем несколько поляков, в том числе, графа Потоцкого с супругой, князя Станислава Радзивилла, графа Владислава Велепольского, наконец, несколько приезжих англичан.

После обеда я веду сепаративную беседу с Потоцким и Велепольским. Оба, намекая на сведения, полученные ими из Берлина через Швецию, говорят одно и тоже: Франция и Англия, может быть, победят со временем. Но Россия уже проиграла войну; во всяком случае, она никогда не получит Константинополя и за счет Польши помирится с Германией: орудием этого примирения будет Штюрмер.

Затем одна из приглашенных русских, княгиня В., благородное сердце, живой и развитой ум, знаком приглашает меня сесть возле нее.

— В первый раз вы видите меня совершенно обескураженной,—вздыхает она.—Бодрость меня не покидала до последнего времени. Но с тех пор, как этот ужасный Штюрмер стоит у власти, у меня нет больше надежды...

Я утешаю ее лишь наполовину для того, чтобы заставить вполне высказаться; я настаиваю, однако, н гарантии, которую представляет патриотизм Сазонова, в энергичном продолжении войны.

— Да... Но как долго останется он еще у власти? Что готовится без его ведома? Вам не безызвестно

что царица его терпеть не может, потому что он никогда не хотел склониться перед подлым негодяем, который позорит Россию. Я вам не называю его, этого бандита, я не могу произнести его имени без того, чтобы не плюнуть...

— Что вы беспокоитесь, огорчены, это я понимаю. До известной степени я разделяю вашу тревогу. Но опускать руки, о, нет... Чем тяжелее времена, тем более должны мы проявлять твердости. А вы должны проявить твердость более, чем кто-либо, потому что вы пользуетесь репутацией женщины мужественной и ваше мужество поддерживает многих других.

Она минуту молчит, как будто прислушивается к внутреннему голосу. Затем, она продолжает с серьезной и грустной покорностью.

— То, что я вам сейчас скажу, покажется вам педантичным, несуразным. Тем хуже... Но я очень верю в рок, верю в него, как верили древние писатели — Софокл, Эврипид, которые были убеждены, что боги Олимпа сами подчинены Судьбе.

— Me quoque fata regunt... вы видите, что из нас двоих педант—это я, потому что я цитирую вам латынь...

— Что значит ваша цитата.

— Это слова, которые поэт Овидий вкладывает в уста Юпитера и которые значат: „Я тоже подчиняюсь Судьбе“.

— Ну, что же. Со времен Юпитера положение не изменилось. Судьба все правит миром и само Провидение покорно Року. То, что я говорю вам, не очень в духе православия и я не повторила бы этого перед Синодом. Но меня не оставляет мысль, что рок приближает Россию к катастрофе. Я страдаю от этой мысли, как от кошмара.

— Что вы понимаете под роком?

— О! Я никогда не в состоянии буду об'яснить вам этого. Я не философ. Каждый раз, когда я открываю книгу по философии, я засыпаю. Но очень хорошо чувствую, что такое рок. Помогите мне выразить это.

— Ну, это сила вещей, закон необходимости естественный порядок вселенной... Эти определения вас не удовлетворяют.

— Нет, совсем не удовлетворяют. Если бы рок был только этим, он не пугал бы меня. Потому что в конце концов, хотя Россия очень большая империя, но я не думаю, чтоб ее победа или поражение могли очень интересовать естественный порядок вселенной...

— Посмотрите,—продолжает она,—посмотрите на царя. Разве он не явно предназначен судьбой погубить Россию. Не поражает ли вас его неудачливость. Можно ли накопить в одном царствовании столько разочарований, неудач, несчастий. Все, что он ни предпринимал, его самые здоровые идеи, самые благоразумные намерения, все потерпело неудачу или даже обратилось против него. Логически, каков должен быть его конец? А царица? Знаете ли в античной трагедии более жалкое создание? А гнусный негодяй, которого я не хочу называть? Он тоже достаточно отмечен Роком... Как об'ясните вы, что в такой исторический момент эти три существа держат в своих руках участь обширнейшей в мире империи? Вы не видите в этом действия фатума? Ну, будьте же откровенны.

— Вы очень красноречивы, но вы меня отнюдь не убеждаете. Фатум для слабых душ служит лишь предлогом, чтоб покориться...

Так как я был с самого начала педантичен, то я им останусь до конца; я сейчас опять приведу вам латинскую цитату. Есть у Лукреция изумительное определение воли: fatis avlesa potestas, что можно перевести „сила, вырванная у рока“. Самый пессимистический из поэтов признавал, что можно бороться против рока.

После паузы княгиня В. продолжает с печальной улыбкой.

— Вы счастливы, что вы можете так думать. Видно сразу, что вы не русский. Я, однако, обещаю вам подумать о ваших словах. Но, ради Бога, мой дорогой посол, забудьте все, что я вам сказала. И, в особенности, никому этого не расказывайте, потому что мне стыдно, что я так разоткровенничалась перед иностранцем.

— Перед союзником.

— Да, перед другом. Все же перед иностранцем. Так я расчитываю на вашу скромность: вы сохраните про себя мои жалобы, неправда ли. А теперь присоединимся к остальным гостям.

Среда, 29 марта 1916 г.

Был у меня сегодня в посольстве бывший Председатель Совета Министров Коковцев, в котором очень ценю его дальновидный патриотизм и серьезный ум; он, как всегда, очень пессимистически настроен: у меня даже впечатление, что он сдерживался, что бы не обнаружить передо мной всего своего отчаяния.

Я замечаю, что он в своем общем диагнозе внутреннего состояния России, придает большое значение демократизации русского духовенства. С грустью, от которой дрожит его серьезный голос, он в заключение говорит мне.

— Религиозные силы страны недолго выдержат отвратительное испытание, которому их подвергают. Епископат и высшие духовные должности в настоящее время почти совершенно подчинены клике Распутина. Это какая-то гнусная болезнь, какая-то гангрена, которая скоро разрушит все высшие органы Церкви. Когда я думаю о позорной торговле, которая происходит в известные дни в канцелярии Синода, я плачу от стыда. Но для религиозного будущего России, и я говорю о близком будущем, есть другая опасность, которая представляется не менее страшной: это успех революционных идей в низшем духовенстве, в особенности, между молодыми священниками. Вам не безызвестно, как плачевно положение наших попов в материальном и моральном отношении. Священник в сельских приходах живет почти всегда в крайней нужде, которая слишком часто заставляет его забывать всякое достоинство, всякий стыд, всякое уважение к своему одеянию и функции. Крестьяне презирают его за лень и пьянство: кроме того, они беспрерывно ругаются с ним из-за цены треб и таинств; и они не стесняются при случае ругнуть его или даже поколотить. Вы себе не представляете, сколько обиды и злобы накопляется иногда в душе священника.. Наши социалисты очень ловко использовали это жалкое положение низшего духовенства. Вот уже лет двадцать как они ведут деятельную пропаганду среди деревенских священников, в особенности, среди молодых. Они завербовывают таким образом не только солдат для армии анархии, но и апостолов и вождей, которые, естественно, оказывают влияние на наши невежественные, мистически настроенные массы. Вы припоминаете гибельную роль, которую играл поп Гапон

в беспорядках 1905 г.: он распространял вокруг себя своего рода магнетизм... Человек, хорошо осведомленный, на днях уверял меня, что революционная пропаганда проникла теперь в духовные семинарии. Вы знаете, что семинаристы все сыновья священников: большинство их лишены всяких средств; воспоминания, вынесенные из деревни, делают многих из них, по выражению Достоевского, „униженными и оскорбленными": так что их мозг слишком расположен к восприятиям семян социалистического евангелия. И в довершение совращения их с пути, их еще возбуждают против церковной иерархии, рассказывая о скандалах Распутина.

Вторник, 25 *апреля* 1916 *г.*

Сегодня днем я пил чай у княгини Л., очень приятной седой старой дамы, с лицом, сохранившим тонкость черт, и всегда живой речью, обнаруживающей в очаровательной форме широкий кругозор, богатое сердце, снисходительную рассудительность существа, много любившего. Я застаю ее вдвоем с верной подругой, графиней Ф., муж которой занимает одну из высших должностей при Дворе.

Мой приход внезапно прерывает их диалог, должно быть, о предмете неприятном: у обоих вид удрученный. Графиня Ф. почти сейчас же уходит.

Беседа продолжается между княгиней и мной, и, мне кажется, я замечаю в глубине ее глаз присутствие скорбной, неотвязной мысли, которая меня интригует.

Тогда я, вспомнив, что граф Ф. стоит в повседневной жизни очень близко к царю и царице и что он не имеет тайн от своей жены, я задаю своей собеседнице коварный вопрос.

— Как поживает государь? Давно уже я не имел о нем известий.

— Государь все еще в Ставке, и я думаю, он никогда не чувствовал себя так хорошо.

— Он, значит, не приезжал в Царское Село на Пасху.

— Нет. Он даже впервые не был у пасхальной службы с царицей и детьми. Но он не мог уехать из Могилева: говорят, наши войска скоро перейдут в наступление.

— А что поделывает императрица?

На этот простой вопрос княгиня отвечает взглядом и жестом, полным отчаяния. Я умоляю ее об‘ясниться. Она, наконец, говорит мне:

— Представьте себе, что в прошлый четверг, когда царица причащалась в Федоровском Соборе, она пожелала, она приказала, чтобы Распутин причастился вместе с нею.

Об этом и говорила со мной, минуту тому назад, мой старый друг, графиня Ф.. Не плачевно-ли это?.. Вы видите, я все еще не могу успокоиться.

— Да, это прискорбно. Но, в сущности, императрица вполне последовательна. Ведь она верит в Распутина, видит в нем праведника, святого, преследуемого клеветой фарисеев, как преследовали они страдальца Голгофы; так как он является для нее духовным руководителем и покровителем, ее заступником перед Христом, ее свидетелем и ходатаем перед Богом, не естественно ли, что она хочет чувствовать его рядом с собой при совершении важнейшего акта ее религиозной жизни... Признаюсь, эта бедная, заблудшая душа внушает мне глубокую жалость.

— О, да, пожалейте ее, господин посол, и нас тоже. Потому что, в конце концов, какое это готовит нам будущее.

Среда, 26 *апреля* 1916 *г.*

„Ничего“. Это слово, несомненно, чаще всего можно услышать от русских. Каждую минуту, по всякому поводу, вы слышите, как они произносят его с жестом беспечности и покорности: „Ничего“, „Это ничего не значит“.

Выражение это так употребительно, так распространено, что его приходится признать чертой национального характера.

Всегда были эпикурейцы и скептики, проповедывавшие тщетность человеческих усилий, утешавшиеся мыслью о всеобщей иллюзии. Идет ли речь о могуществе, о сладострастии, о богатстве, о наслаждении. Лукреций никогда не пропускает случая вставить „Тщетно“.

Совсем другое значение русского „ничего“. Эта общая манера обесценения предмета желания или Утверждения наперед суетности предприятия служит обыкновенно лишь предлогом перед самим собой к тому, чтоб не упорствовать в усилии.

Вот несколько дополнительных подробностей, из непосредственного и секретного источника о совместном причащении Распутина и царицы.

Обедню служил отец Васильев в таинственном и сияющем золотом Федоровском Соборе — этой небольшой церкви архаической формы, стройный купол которой так своеобразно обрисовывается на фоне деревьев императорского парка, как пережиток или призрак московской старины. Царица присутствовала со своими тремя старшими дочерьми; Григорий стоял за ней вместе с г-жей Вырубовой и г жей Турович. Когда Александра Федоровна приблизилась к

иконостасу, чтобы получить причастие, она мигнула „старцу“, который, подойдя, вслед за ней, причастился непосредственно после нее. Затем, перед алтарем, они обменялись лобызанием мира, при чем Распутин поцеловал царицу в лоб, а она у него руку.

В предшествовавшие этому дни „старец“ проводил долгие часы в молитве в Казанском соборе, где он в среду вечером исповедался у отца Николая. Его горячие поклонницы Г. и г-жа Т., которые почти не покидали его, были поражены его грустным видом.

Распутин уехал в Страстную Пятницу вечером в свое село Покровское, возле Тобольска, куда отправились вслед за ним г-жа Т. и Г.

Пятница 26 *мая* 1916 *г.*

Итог моего дня:

Утром П. принес мне тревожные известия о революционной пропаганде на заводах и в казармах.

В пять часов графиня Н., которая, хотя и не принадлежит к партии императрицы, близко знакома с г-жей Вырубовой, рассказывает мне, как Распутин на этих днях доказывал царице: „что должны беспрекословно повиноваться божьему человеку“; затем он сообщил ей, что после Пасхи, со времени своего последнего причастия, он чувствует в себе новые силы против своих врагов и считает себя более, чем когда либо, защитником, посланным Провидением царской фамилии и святой Руси. Тогда Александра Федоровна припала к его ногам со слезами восхищения, моля его о благословении.

Сегодня вечером в клубе я подслушал следующий разговор: „Если не распустят Думу, мы погибли“. Далее следовала длинная тирада, устанавливавшая

необходимость вернуть немедленно царизм к чистым традициям московского православия.

В заключение, я повторяю себе афоризм, произнесенный г-жой де-Тансен о французской монархии в 1740 г. „Если только Бог сам не приложит руку, физически невозможно, чтобы государство не рухнуло“.

Но я думаю, что не пройдет ни сорока лет, ни даже сорока месяцев, как рухнет русское государство.

Вторник, 30 *мая*, 1916 *г.*

Графиня Н., подруга г-жи Вырубовой, таинственно пригласила меня на чашку чая. Взяв с меня обещание сохранить тайну, она мне сказала.

— Я думаю, что Сазонову будет дана отставка и я хотела сейчас же вас предупредить. И. В. относятся к нему весьма неблагосклонно. Штюрмер ведет против него, за кулисами, очень активную кампанию.

— Но что же он ставит ему в вину?

— Он ставит ему в вину его либеральные идеи и его осторожное отношение к Думе. Он ему ставит также в вину — но вы мне обещали сохранить тайну, — что он слишком подчиняется вашему влиянию и влиянию Бьюкенена... Вы знаете, что царица, к несчастью, терпеть не может Сазонова; она не может ему простить его отношения к Распутину, которого он называет Антихристом, между тем как Распутин, напротив, утверждает, что Сазонов отмечен печатью Диавола.

— Но Сазонов — воплощенное благочестие... А царь что говорит?

— В данный момент он в полном подчинении у императрицы, [illegible]

— Вы узнали об этом от г-жи Вырубовой?

— Да, у Анни... Но, ради Бога, ничего никому не говорите.

Среда, 31 *мая,* 1916 *г.*

После воцарения Штюрмера авторитет Распутина сильно возрос. Мужик чудотворец все больше превращается в политического авантюриста и мошенника. Шайка банкиров и скомпрометированных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и пр., снюхались с ним и щедро заплатили ему. По их указаниям он посылает записки министрам, банкам, всем влиятельным лицам. Я видел несколько таких записок, написанных безобразным почерком и в грубо повелительном стиле. Никто никогда не осмеливается уклониться от его просьб. Назначения, повышения, отсрочки, помилования, освобождения, субсидии — ему не отказывают ни в чем. Когда дело более важное, он подает записку непосредственно царице:

— Вот возьми. Сделай это для меня.

И она тотчас отдает распоряжение, не подозревая, что работает для Мануса и Рубинштейна, которые, со своей стороны, работают явно для Германии.

Среда, 28 *июня,* 1916 *г.*

Из интимного и надежного источника.

„Царица переживает дурную полосу. Чрезмерные молитвы, посты, аскетические испытания, беспокойство, бессонница. Она все больше увлекается и проникается идеей, что ей выпала миссия спасти православную Русь, и что ей для успеха в этом необходимы указания и покровительство Распутина. По всякому поводу она посылает к „старцу“ просить совета, ободрения, благословения.

Сношения царицы и Гришки остаются тем не менее очень секретными. Ни одна газета никогда на

это не намекает. И светские люди говорят об этом только шопотом, между близкими, как об унизительном секрете, о котором лучше не распространяться; не стесняются впрочем, выдумывать тысячи фантастических подробностей.

В принципе Распутин довольно редко переступает ограду царской резиденции. Его встречи с царицей происходят почти всегда у г-жи Вырубовой, в небольшом особняке на Средней; он остается здесь иногда часами, один с обеими женщинами, между тем как полицейские генерала Спиридонова охраняют дом и никого туда не пропускают.

Обычно, беспрерывные сношения Дворца со „старцем“ и его кликой происходят через полковников Лемана и Мальцева.

Полковник Леман, помощник коменданта императорских дворцов, Федоровского Собора, состоит личным секретарем Александры Федоровны и пользуется ее полным доверием; он взял себе в помощники для ежедневных сношений с Распутиным артиллерийского полковника Мальцева, которому с другой стороны, вверена воздушная защита Царского Села.

Для интимных поручений императрица пользуется молодой черницей, прикомандированной к дворцовому военному госпиталю, сестрой Акилиной.

Четверг, 20 *июня,* 1916 *г.*

Придя сегодня утром к Нератову, я и Бьюкенен поражены его серьезным видом. Он говорит нам:

— Я имею серьезные причины думать, что мы скоро потеряем Сазонова.

— Что случилось?

— Вы знаете, что против Сазонова давно ведется война и кем. Его успех последних дней по вопросу о Польше был использован против него. Лицо, очень близкое к нему и внушающее мне всяческое доверие, уверяет меня, что царь освободит его от его обязанностей.

Со стороны столь сдержанного и осторожного человека, как Нератов, такие слова не оставляют никакого места сомнению.

Бьюкенену и мне не нужно совещаться, чтобы измерить все последствия того, что готовится.

Бьюкенен спрашивает:

— Каково ваше впечатление: Палеолог и я, мы могли бы еще воздействовать, чтобы помешать опале Сазонова?

— Может быть.

— Но что делать?

Чтоб уяснить себе положение, я прошу Нератова точнее сообщить нам те сведения, которые так основательно вызвали его беспокойство.

— Лицо, от которого я получил эти сведения,— сказал он нам,—видело проект письма, которое царь велел приготовить и которое, хотя составлено в дружеских выражениях, просто освобождает Сазонова от исполнения его обязанностей ввиду состояния его здоровья.

Я ухватываюсь за эти последние слова, которые, как мне кажется, дают послам Франции и Англии законный повод к вмешательству. Затем, присев на несколько минут к столу Нератова, я составляю телеграмму, с которой Бьюкенен и я одновременно обращаемся к начальникам наших военных миссий в Могилев, предлагая им показать ее министру Двора. Вот эта телеграмма:

„Мне сообщают, что здоровье г. Сазонова заставило его просить у е. в. отставки. Благоволите проверить весьма оффициозно эту новость у министра Двора.

Если это так, соблаговолите спешно представить графу Фредериксу, что ободрительное слово е. в. без сомнения заставит г. Сазонова сделать новое усилие, которое позволило бы ему довести до конца его задание.

В самом деле, мой английский коллега и я (французский...), мы не можем не быть взволнованными при мысли о комментариях, которые не преминет вызвать в Германии отставка русского министра иностранных дел, ибо утомления, от которого он страдает в настоящее время, конечно, недостаточно было бы для того, чтобы об'яснить его отставку.

В этот решительный момент войны, все, что рискует показаться переменой в политике Союзников, могло бы иметь самые печальные последствия“.

Нератов вполне одобряет эту телеграмму. Мы, Бьюкенен и я, возвращаемся в свои посольства, чтоб отправить ее в Могилев.

Днем я получил из хорошего источника кое-какие сведения об интриге, которая велась против Сазонова. Моя осведомительница не знает еще, как далеко зашла интрига, и я остерегаюсь сообщить ей об этом; она мне говорит:

— Положение Сазонова очень скомпрометировано. Он потерял доверие их величеств.

— Но что же ему ставят в вину?

— Ему ставят в вину, что он не ладит со Штюрмером, и, наоборот, слишком ладит с Думой... И потом Распутин его терпеть не может, а этого достаточно.

— Так царица действует заодно со Штюрмером?

— Да, вполне... Штюрмер человек ловкий, успел убедить ее, что только она одна может спасти Россию. Она как раз в данный момент спасает ее, ибо она вчера вечером неожиданно выехала в Могилев.

Воскресенье, 23 июня, 1916 *г.*

Сегодня утром газеты оффициально сообщают об отставке Сазонова*) и назначении на его место Штюрмера. Никаких комментариев. Но первое впечатление, о которых мне сообщают, — изумление и возмущение.

Вечером я обедаю в Царском Селе у в. к. Марии Павловны, с княгиней Палей, г-жой Еленой Нарышкиной и дежурными из свиты.

После обеда в. к. уводит меня в глубь сада, усаживает меня подле себя и мы беседуем.

— Я не могу вам выразить, как я удручена настоящим и беспокоюсь за будущее... По вашему, как произошло все? Я, со своей стороны, сообщу вам то немногое, что я знаю.

Мы делимся друг с другом своими сведениями. Вот наши заключения:

Между царем и Сазоновым было полное единство по вопросам внешней политики. Они согласны были также в вопросе о Польше, потому что царь одобрил все идеи своего министра, даже поручил ему приготовить манифест к польскому народу. По другим вопросам внутренней политики либеральные тенденции Сазонова не имели в данный момент случая проявиться, к тому же он мог их представить

*) См. рескрипт царя Сазонову, подписан. 7 июля, 1916 г. в Главной Квартире Правительства.

лишь, как свое мнение, и они были из самых умеренных. Наконец, он был в наилучших отношениях с генералом Алексеевым. Таким образом, его явная опала не может быть об'яснена никаким благовидным мотивом. Об'яснение, которое, к несчастью, напрашивается, состоит в том, что камарилья, орудием которой является Штюрмер, вздумала наложить руку на министерство иностранных дел. Вот уж несколько недель, как Распутин повторяет: „Надоел мне Сазонов. Надоел"... Побуждаемый царицей, Штюрмер отправился в Главную Квартиру просить отставки Сазонова. На помощь ему приехала потом царица. Царь уступил.

В. к. в заключение спрашивает меня:

— Так, не правда ли, ваше впечатление плохое?

— Да, очень плохое... Французская монархия тоже видела, как отставляли превосходных министров под влиянием придворной камарильи; эти министры назывались Шуазель и Неккер. в. и. в. знает, что за тем последовало.

На Волыни, при слиянии Липы со Стырью армия генерала Сахарова обратила в бегство австро-германцев и захватила 12000 пленных.

Четверг, 3 августа, 1916 г.

Сазонов, вернувшийся из Финляндии, вчера простился со своим персоналом в министерстве иностранных дел, и пришел повидаться со мной.

Продолжительная, задушевная беседа. Я нахожу его таким, каким я уверен был найти его: спокойным, полным достоинства, без малейшей горечи, счастливым лично за себя своей вновь обретенной независимостью, огорченным и встревоженным за будущее России.

Он подтверждает мне все, что я узнал об обстоятельствах его опалы:

— Вот уж год, — говорит он мне, — императрица относится ко мне враждебно. Она никак не могла мне простить, что я умолял императора не брать на себя командования войсками. Она так настаивала на моей отставке, что император, наконец, уступил. Так легко было подготовить мою отставку под предлогом состояния моего здоровья... Я так лойяльно пошел бы этому навстречу. Затем, наконец, император оказал мне такой полный доверия, торжественный прием в последний раз, когда я его видел.

Затем, тоном глубокой грусти, он резюмирует, так сказать, то, что с ним произошло, такими словами:

— Император царствует, но управляет императрица... Под указку Распутина.

Вторник, 29 *августа*, 1916 *г.*

Так как бывший Председатель Совета Министров Коковцев находится проездом в Петрограде, я пошел сегодня днем с ним повидаться.

Я нашел его более, чем когда-либо пессимистом. Отставка Сазонова и генерала Беляева в высокой степени его беспокоит:

— Теперь, — говорит он мне, — царица всемогуща. Штюрмер, человек бездарный и тщеславный, но не лишенный лукавства и даже тонкости, когда дело касается его личных интересов, прекрасно сумел овладеть императрицей. Он регулярно является к ней с докладом, он обо всем информирует ее, обо всем советуется с ней, обращается с ней, как с правительницей; поддерживает в ней идею. что император, получив власть от Бога, ответствен пред одним только

Богом, и кто позволяет себе перечить царской воле, совершает святотатство. Вы представляете себе, как действует подобный язык на мозг мистически настроенной женщины... Таким то образом Хвостова, Кривошеина, генерала Поливанова, Самарина, Сазонова, генерала Беляева и меня считают теперь революционерами, предателями, нечестивцами.

— И вы не видите никакого выхода из этого положения?

— Никакого.. Это положение трагическое.

— Трагическое.. Это слишком сильное слово.

— Нет, поверьте мне! Это положение трагическое! Лично я поздравляю себя с тем, что я больше не министр, не несу никакой ответственности за катастрофу, которая готовится. Но, как гражданин, я плачу о своей стране.

Глаза его наполняются слезами. Чтобы овладеть собой, он раза два или три пересекает свой кабинет в длину. Потом он говорит со мной о царе без горечи, без упреков, но с глубокой грустью:

— Царь рассудителен, умерен, трудолюбив. Его идеи чаще всего здравые идеи. У него возвышенное представление о своей роли и полное сознание своего долга. Но ему недостает образования, и величие проблем, которые он призван решать, слишком часто выходит за пределы его ума. Он не знает ни людей, ни дел, ни жизни. Его недоверие к себе самому и к другим заставляет его остерегаться всех, кто выше его. Поэтому он терпит возле себя одни ничтожества. Наконец, он очень благочестив, узким и суеверным благочестием, которое заставляет его ревниво охранять верховную власть, потому что она дана ему Богом.

Мы опять возвращаемся к императрице:

— Я протестую, — говорит он, изо всех моих сил против гнусных слухов, которые распространяют о ней по поводу Распутина. Это очень благородная и очень чистая женщина. Но это больная, страдающая неврозом, галлюцинациями, которая кончит мистическим бредом и меланхолией... Я никогда не забуду странных слов, которые она сказала мне в сентябре 1911 г., когда я заменил на посту председателя Совета Министров Столыпина. Когда я стал говорить о трудности моей задачи и сослался на пример моего предшественника, она резко остановила меня: „Владимир Николаевич, не говорите мне больше об этом человеке! Он умер, потому что Провидение судило так, что он исчезнет в этот день. О нем, значит, кончено; никогда больше не говорите о нем. Она, кстати, отказалась пойти помолиться у его гроба, и император не изволил присутствовать на похоронах, потому что Столыпин, как ни был предан царю и царице, предан до смерти, осмелился им сказать, что социальный строй нуждался в некоторой реформе.

Четверг, 14 сентября 1916 г.

С некоторого времени ходил слух, что Распутин и Штюрмер не ладят больше друг с другом: их больше не встречали вместе, они больше не ходили друг к другу.

Между тем, они видятся и совещаются ежедневно. Их совещания происходят вечером в самом секретном месте в Петрограде: в Петропавловской крепости.

Губернатором Бастилии Романовых состоит генерал Никитин, дочь которого принадлежит к самым

пламенным поклонницам „старца“. Вот через нее и обмениваются посланиями Штюрмер и Гришка; она отправляется за Распутиным в город и привозит его в своем экипаже в крепость; оба заговорщика встречаются в доме губернатора, в комнате самой Никитиной.

Почему окружают они себя такой тайной? Почему выбрали они это укромное место? Почему они сходятся лишь после наступления ночи? Может быть, чувствуя на себе бремя всеобщей ненависти, они хотят скрыть от публики интимность своих отношений. Может быть, они боятся, как бы бомба анархиста не помешала их свиданиям.

Но среди всех трагических сцен, о которых хранят воспоминание страшная государственная тюрьма есть ли зрелище более зловещее, чем ночные встречи этих двух злодеев, губящих Россию.

Вторник, 3 октября 1916 г.

Штюрмеру удалось устранить своего смертельного врага — министра внутренних дел Хвостова; ему, значит, больше нечего бояться дела Мануйлова.

Новый министр внутренних дел один из вице-председателей Думы, Протопопов. До сих пор царь очень редко выбирал своих министров из среды народного представительства. Выбор Протопопова отнюдь не представляет, однако, эволюции в сторону парламентаризма. Далеко не так.

По своим личным убеждениям Протопопов был известен, как „октябрист“, т. е. очень умеренный либерал. В июне месяце он входил в состав парламентской делегации, отправившейся в Зап. Европу, и как в Лондоне, так и в Париже, он заявил себя горячим сторонником войны до конца. Но на обратном

пути во время пребывания своего в Стокгольме, он позволил себе странную беседу с германским агентом, Паулем Варбургом, и, хотя, дело остается довольно темным, он несомненно высказался в пользу мира.

Вернувшись в Петроград, он сошелся со Штюрмером и Распутиным, которые тотчас представили его императрице. Его возвышение пошло очень быстро. Он тотчас был допущен на тайные совещания в Царском Селе; ему давало на это право его знание тайных наук, в особенности, самой глубокой и темной из них: некромантии. Я знаю, кроме того, наверное, что он когда-то болен был заразительной болезнью, что у него осталось после этого нервное расстройство и что недавно в нем наблюдались признаки, предвещающие общий паралич. Итак, внутренняя политика империи в хороших руках!

Четверг, 5 октября 1916 *г.*

Сегодня в посольстве завтракал высокопоставленный придворный сановник Э. Чтобы он чувствовал себя, как дома, я никого больше не пригласил.

Пока мы оставались за столом, он сдерживался в виду присутствия прислуги. Но, по возвращении в гостинную, он выпил один за другим два стакана финшампань, налил третий, закурил сигару и, высоко подняв раскрасневшееся лицо, смело задал мне вопрос:

— Господин посол, что ждете вы и ваш английский коллега, чтобы положить конец измене Штюрмера?

— Мы ждем возможности формулировать против него определенное обвинение... Оффициально, мы ни в чем не можем его упрекнуть; его слова и действия совершенно корректны. Он даже каждую минуту за-

являет нам: „Война до конца“... „Нет пощады Германии“. „Что касается его интимных мыслей и секретных маневров, у нас имеются лишь впечатления, интуиции, которые самое большое дают нам основание для предположений, подозрений. Вы оказали бы нам выдающуюся услугу, если бы вы могли нам привести положительный факт в подтверждение вашего убеждения.

— Я не знаю ни одного положительного факта. Но измена очевидна. Неужели вы ее не видите?

— Недостаточно мне ее видеть; надо еще, чтоб я мог показать ее сначала моему правительству, затем царю... Нельзя начинать такого серьезного дела, не имея хотя бы начала доказательства.

— Вы правы.

— Так как мы вынуждены ограничиваться гипотезами, скажите мне, пожалуйства, как вы представляете себе то, что вы называете изменой Штюрмера?

Тогда он сообщил мне, что Штюрмер, Распутин, Добровольский, Протопопов и компания, сами по себе, имеют значение второстепенное и подчиненное, что они являются простыми орудиями в руках анонимного и немногочисленного, но очень могущественного синдиката, который, устав от войны и из страха перед революцией, требует мира.

— Во главе этого синдиката,—продолжает он,—вы найдете, естественно, дворянство прибалтийских губерний и всех высших придворных сановников. Затем, есть еще ультра-реакционная партия Государственного Совета, Думы, затем наши синодские преосвященные, наконец, все крупные банкиры и промышленники... Через Штюрмера и Распутина они держат в руках царицу, а через царицу — царя.

— О, царя они еще в руках не держат... И никогда держать не будут. Я хочу сказать, что они никогда не заставят его покинуть союзников.

— В таком случае, они его убьют или заставят отречься от престола.

— Отречься?.. Вы представляете себе отречение царя и в пользу кого?

— В пользу своего сына, под регентством царицы. Будьте уверены, что в этом состоит план Штюрмера или, скорее, тех, кто его направляет. Для достижения своих целей эти люди не остановятся ни перед чем. Они провоцируют стачки, восстания, погромы, кризисы нищеты и голода: они создадут повсюду такую нужду, такое уныние, что продолжение войны станет невозможным. Вы их не видели за работой в 1905 г.

Я резюмирую все то, что он мне сказал, и делаю вывод.

— Первое, что надо сделать, это убрать Штюрмера. Я над этим поработаю.

Понедельник, 9 октября 1916 *г.*

Новый министр внутренних дел Протопопов афиширует ультра-реакционные убеждения и программу. Он не побоится, — говорит он,— открыто выступить против сил революции, он, если нужно, их спровоцирует, чтобы сразу сломить их; он чувствует себя достаточно сильным чтобы спасти царизм и св. Русь православную; он их спасет... Вот какие речи держит он в кругу близких, с неиссякаемым многословием и самодовольными улыбками. Между тем, едва несколько месяцев тому назад его считали одним из умеренных либералов в Думе. Его тогдашние друзья, кото-

рые уважали его достаточно для того, чтобы сделать его товарищем председателя Думы, не узнают его.

Внезапность обращения об'ясняется, как меня уверяют, состоянием его здоровья: внезапные перемены характера и экзальтация воображения составляют типичные признаки, предвещающие общий паралич. С другой стороны, несомненно, это я только что узнал, что его свел с Распутиным его врач, терапевт Бадмаев, этот монгольский шарлатан, который применяет к своим пациентам магические фокусы и изумительную фармакопею тибетских знахарей. Я уже упоминал о союзе, заключенном некогда у изголовья маленького цесаревича между лекарем-спиритом и „старцем“.

Давно посвященный в тайные науки, Протопопов был самой судьбой предназначен стать клиентом Бадмаева. Последний, постоянно занятый какой-нибудь интригой, тотчас сообразил, что товарищ председателя Думы был бы ценным рекрутом для камарильи царицы. Во время своих кабалистических операций ему не трудно было приобрести влияние на этот неуравновешенный ум, на этот больной мозг, в котором проявляются уже симптомы, предвещающие манию величия. Скоро он познакомил его с Распутиным. Невропат политикан и мистик чудотворец очаровали друг друга. Несколько дней спустя Григорий указал царице на Протопопова, как на спасителя, которого Провидение сохранило для России. Штюрмер рабски поддержал кандидатуру. А царь и на этот раз уступил...

Суббота, 21 *октября* 1916 *г.*

Из всех тайных агентов Германии, которых она имеет в русском обществе, я думаю, нет более активного, ловкого организатора, чем банкир Манус.

Он добился разрешения проживать в Петрограде и последние годы приобрел значительное состояние куртажем и спекуляцией. Чутье заставило его искать союза с самыми неприступными защитниками трона и алтаря. Так он рабски пресмыкался перед князем Мещерским, известным редактором „Гражданина“, бесстрастным паладином православия и самодержавия. В то же время его скромная и тактичная щедрость снискали ему мало-по-малу расположение всей клики Распутина.

С самого начала войны он ведет кампанию за скорейшее примирение России с германскими державами. К нему очень прислушиваются в финансовом мире, и он завязал связи с большинством газет. Он находится в беспрерывных сношениях с Стокгольмом, т. е. с Берлином. Я сильно подозреваю, что он является главным распределителем немецких субсидий. Каждую среду у него обедает Распутин. Адмирал Нилов, генерал-ад'ютант царя, состоящий при его особе, приглашается принципиально за то, что отлично умеет пить. Другой неизменный гость — бывший директор департамента полиции, страшный Белецкий, в настоящее время сенатор, но сохранивший свое влияние в „Охранке“ и поддерживающий через Вырубову постоянные сношения с царицей. Есть, конечно, несколько милых женщин для оживления пира. В числе обычных участниц пира есть очаровательная грузинка г-жа Э., гибкая, вкрадчивая и обольстительная, как сирена. Пьют всю ночь напролет; Распутин очень скоро пьянеет; он тогда болтает без конца. Я не сомневаюсь, что подробный отчет об этих оргиях отправляется на следующий день в Берлин с комментариями и точными подробностями в подтверждение.

Суббота, 28 *октября* 1916 *г.*

Припоминая свою вчерашнюю беседу с в. к. Марией Павловной, я себе говорю:

— В общем, если не считать мистических заблуждений, у царицы более закаленный характер, чем у царя, более упорная воля, более сильный ум, более активная добродетель, душа более воинствующая, более властная. Ее идея спасти Россию, возвратив ее к традициям теоретического самодержавия, безумие, но высокомерное упорство, которое она при этом обнаруживает, не лишено величия. Роль, которую она присвоила себе в делах Государства, гибельна: но, по крайней мере, она выполняет ее, как царица... Когда она предстанет „в этой ужасной долине Иосафата“, о которой беспрерывно говорит ей Распутин, она сможет сослаться не только на безупречную искренность своих намерений, но еще и на полное соответствие ее деяний началам божественного права, на которых основывается русское самодержавие.

Суббота, 2 *декабря* 1916 *г.*

Был сегодня на заседании Госуд. Думы.

Как только в дверях зала показались министры и среди них узнали Протопопова, подымается шум.

Трепов поднимается на трибуну, чтобы прочитать декларацию правительства. Крики усиливаются: „Долой министров! Долой Протопопова“.

Очень спокойный, с прямым и надменным взглядом, Трепов начинает чтение. Три раза крики крайней левой заставляют его покидать трибуну. Наконец, ему дают говорить.

Декларация такова, какой он излагал мне позавчера. Параграф, в котором правительство заявляет о своем решении продолжать войну, встречается горячими аплодисментами.

Но фраза, относящаяся к Константинополю, падает в постоту, пустоту индиферентности и удивления.

Когда Трепов кончил чтение, заседание было прервано. Депутаты рассеиваются по кулуарам. Я возвращаюсь к себе в посольство.

Мне сообщают, что вечером продолжение заседания было отмечено двумя речами, столько же неожиданными, сколь резкими, двух лидеров правой, графа Владимира Бобринского и Пуришкевича. К изумлению своих политических единомышленников, они произвели стремительную вылазку против „позорящих и губяших Россию закулисных сил“. Пуришкевич даже воскликнул:

„Надо, чтобы впредь недостаточно было одной рекомендации Распутина для назначения самых гнусных кандидатов на самые высокие посты. Распутин в настоящее время опаснее, чем был когда-то Лже-Димитрий... Господа министры! Если вы истинные патриоты, поезжайте в Ставку; бросьтесь к ногам царя; имейте мужество заявить ему, что внутренний кризис не может дальше продолжаться, что слышен гул народного гнева, что грозит революция и что не подобает темному мужику дольше управлять Россией.“

Суббота, 9 *декабря* 1916 *г.*

Тревожный клич, раздавшийся в Думе из уст гр. Бобринского и Пуришкевича, этих двух паладинов махрового самодержавия, нашел отзвук даже в архаической цитадели абсолютного монархизма, в Гос. Совете.

Высокое собрание осмелилось сегодня сделать заявление политического характера, в котором предостерегает царя против гибельного действия закулисных влияний. Это (столь робкое) заявление протеста вызывает оживленные комментарии.

История представляет лиш длинный ряд повторений. В марте 1830 г. парижская Палата Депутатов тоже довела до сведения Карла X почтительный совет благоразумия. Но воспользовался ли кто-либо когда-либо уроками истории?

Воскресенье, 10 *декабря* 1916 *г.*

Что политику России делает камарилья императрицы, факт несомненый. Но кто руководитель самой этой камарильи.? От кого получает она программу, направление

Конечно, не от императрицы. Публика любит простые идеи и общие олицетворения и не имеет точного представления о роли царицы... расширяет и значительно искажает ее. Александра Федоровна слишком импульсивна, слишком заблуждается, слишком неуравновешенна, чтобы создать политическую систему и следить за ее применением. Она является главным и всемогущим орудием заговора, который я постоянно чувствую вокруг нее: она, однако, не больше, как орудие.

Точно так же лица, которые группируются вокруг нее: Распутин, Вырубова, генерал Воейков, Танеев, Штюрмер, князь Андроников и пр., суть лишь подручные, статисты, подобострастные интриганы или марионетки. Министр внутренних дел Протопопов, у которого более внушительный вид, обязан этой

обманчивой внешностью раздражению мозговых оболочек. За экспансивными бахвальством и шумной активностью нет ничего, кроме раздражения спинного мозга. Это мономан, которого скоро запрут в дом умалишенных.

В таком случае, кто же руководит царскосельской камарильей?

Я тщетно расспрашиваю тех, которые, казалось, скорей всего могли бы удовлетворить мое любопытство; я добился лишь неопределенных или противоречивых ответов, гипотез, предположений.

Тем не менее еслиб я был принужден сделать вывод, я сказал бы, что гибельную политику, за которую императрица и ее клика будут нести ответственность перед историей, внушают им четыре лица: председатель крайней правой Гос. Совета Щегловитов, петроградский митрополит преосвященый Питирим, бывший директор департамета полиции Белецкий, наконец, банкир Манус.

Кроме этих четырех лиц, я вижу здесь лишь игру анонимных, коллективных, рассеянных, иногда бессознательных сил, которые являются, может быть, лишь проявлением действия вековой машины царизма, проявлением его инстинкта самосохранения, остатка его органической жизненности и приобретенной скорости.

В этом квартете я приписываю специальную роль банкиру Манусу: он обеспечивает сношения с Берлином. Именно через него Германия заводит и поддерживает интриги в русском обществе: он является распределителем немецких субсидий.

Пятница, 23 *декабря* 1916 *г.*

Союз земств и Союз городов, с'езд коих недавно был воспрещен, приняли, однако, тайное постановление,

которое распространяется в публике и главный пункт коего гласит:

„Наше спасение в глубоком сознании нашей ответственности перед родиной. Когда власть становится препятствием на пути к победе ответственность за судьбу России падает на всю страну. Правительство, превратившееся в орудие закулисных сил, ведет Россию к гибели и колеблет императорский трон. Надо создать правительство, достойное великого народа, в серьезнейший момент его истории. Пусть же Дума в решительной борьбе, начатой ею, оправдает ожидания страны. Нельзя терять ни одного дня“.

Графиня Р., которая провела три дня в Москве, где заказывала себе платья у известной портнихи Ламановой, подтверждает то, что мне недавно сообщали о раздражении москвичей против царской фамилии:

— Я обедала, — говорит она, — ежедневно в различных кругах. Повсюду сплошной крик негодования. Если бы царь в настоящее время показался на Красной Площади, его бы встретили свистками. А что касается царицы, ее растерзали бы на куски... В. К. Елизавета такая добрая, благотворительная, чистая, не осмеливается больше выходить из своего монастыря. Рабочие обвиняют ее в том, что она морит народ голодом... Во всех классах общества чувствуется дыхание революции...

Суббота, 30 *декабря* 1916 *г.*

Около семи часов вечера превосходный осведомитель, состоящий у меня на жаловании, сообщает мне, что Распутин был убит сегодня ночью во время ужина во дворце Юсупова. Убийцы, говорят, молодой князь

Феликс Юсупов, который женился в 1914 г. на племяннице-царя, в. к. Дмитрий Павлович и Пуришкевич, лидер крайней правой в Думе. В ужине принимали участие две-три женщины из общества. Новость пока еще хранится в строгом секрете.

Прежде чем телеграфировать в Париж, я пытаюсь проверить полученное сообщение.

Я тотчас отправляюсь к г-же Д. Она телефонирует своей тетке, г-же Головиной, большой приятельнице и покровительнице Распутина. Заплаканный голос отвечает:

— Да, отец исчез сегодня ночью. Неизвестно, что с ним сталось... Это ужасное несчастье.

Вечером новость распространяется в яхт-клубе. В. к. Николай Михайлович отказывается верить.

— Десять раз уже, говорит он, — сообщали нам о смерти Распутина. И каждый раз он воскресал более могущественный, чем когда-либо.

Он, однако, телефонирует председателю совета министров Трепову, который отвечает ему:

— Я знаю только, что Распутин исчез; я предполагаю, что он убит. Я не могу знать ничего больше: начальник „Охранки" взял дело в свои руки.

Воскресенье, 31 *декабря*.

Тело Распутина остается неразысканным.

Царица обезумела от горя; она умоляла царя, который находится в Могилеве, немедленно вернуться к ней.

Мне говорят, что убийцы — князь Феликс Юсупов, в. к. Дмитрий Павлович и Пуришкевич. За ужином не было дам. В таком случае, как же Распутина заманили в дворец Юсупова...

Судя по тому немногому, что мне известно, присутствие Пуришкевича сообщает драме ее настоящее значение, ее политический интерес. В. к. Дмитрий, изящный молодой человек двадцати пяти лет, энергичный, горячий патриот, способный проявить храбрость в бою, но легкомысленный, импульсивный, как мне кажется, необдуманно впутался в эту историю. Князь Феликс Юсупов, двадцати восьми лет, обладает живым умом и эстетическими наклонностями; но его диллетантизм слишком склонен к нездоровым мечтам, к литературным образам Порока и Смерти, и я боюсь, что он видел в убийстве Распутина прежде всего сценарий, достойный его любимого автора, Оскара Уайльда. Во всяком случае, его инстинкты, лицо, его манеры делают его похожим скорее на героя „Дориана Грея“, чем на Брута или Лорензаччно.

Пуришкевич, которому перевалило за пятьдесят, наоборот, человек идеи и действия. Он поборник православия и самодержавия.

Он поддерживает с силой и талантом тезис: “царь самодержец, посланный Богом“. В 1905 г. он был председателем знаменитой реакционной лиги, „Союза Русского Народа“ и он то и вдохновлял и направлял страшные еврейские погромы. Его участие в убийстве Распутина освещает все поведение крайней правой в последнее время; оно означает, что сторонники самодержавия, чувствуя, чем им угрожают безумства царицы, решили защищать царя, если понадобится против его воли.

Вечером я отправился в Мариинский театр, где шел живописный балет Чайковского „Спящая красавица“, с участием Смирновой.

Естественно, только и говорят, что о вчерашней драме, и так как не знают ничего определенного, русское воображение разыгрывается во всю. Прыжки, пируэты и „арабески“ Смирновой менее фантастичны, чем рассказы, которые распространяются в зале.

В первом антракте граф Нани Моцениго, советник итальянского посольства, говорит мне:

— Ну, что же, господин посол, мы, значит, вернулись к временам Бордуста. Не напоминает ли вам вчерашний ужин знаменитого пира в Имола?

— Аналогия отдаленная, тут не только разница во времени, но в различии цивилизаций и характеров. По коварству и вероломству вчерашнее происшествие, конечно, достойно сатанинского цезаря. Но это не belissimo inganno как, говорил валенсиец.

Не всякому дано величие в сладострастии и преступлении.

Понедельник, 1 *января* 1917 *г.*

. . . .

По распоряжению царицы, генерал Максимович, ад‘ютант царя, арестовал вчера в. к. Дмитрия, который оставлен под надзором полиции в своем дворце на Невском проспекте.

Вторник, 2 *января* 1917 *г.*

Тело Распутина нашли вчера во льдах Малой Невки у Крестовского острова, возле дворца Белосельского. До последнего мгновения царица надеялась,

что „Бог сохранит ей ее утешителя и единственного друга“.

Полиция не разрешает печатать никаких подробностей драмы. Впрочем „Охранка“ продолжает свои расследования в такой тайне, что еще сегодня утром председатель совета министров Трепов отвечал на нетерпеливые вопросы в. к. Николая Михайловича:

— Клянусь вам, в. к., что все делается без меня и я ничего не знаю из следствия.

Узнав позавчера о смерти Распутина, многие обнимали друг друга на улицах, шли ставить свечи в Казанский Собор.

Когда стало известно, что в. к. Дмитрий был в числе убийц, стали толпиться у иконы св. Дмитрия, чтоб поставить свечу.

Убийство Григория — единственный предмет разговора в бесконечных хвостах женщин, ожидающих в дождь и ветер у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и пр.

Они рассказывают друг другу, что Распутин был живым брошен в Невку, одобряют это пословицей: „Собаке — собачья смерть“.

Другая народная версия: „Распутин еще дышал, когда его бросили под лед в Невку. Это очень важно, потому что он, таким образом, никогда не будет святым“. В русском народе существует поверье, что утопленники не могут быть канонизированы.

Среда, 3 *января* 1917 *г.*

Лишь только вытащили из Невки тело Распутина, оно было таинственно доставлено в Убежище Ветеранов Чесмы, находящееся в пяти километрах от Петрограда по дороге в Царское Село.

После того, как профессор Косоротов осмотрел труп и констатировал следы ран, он ввел в залу, где происходило вскрытие, сестру Акилину, эту молодую послушницу, с которой Распутин познакомился когда-то в Охтайском монастыре. По письменному распоряжению царицы, она приступила с одним только больничным служителем к последнему одеванию трупа. Кроме нее, никто не был допущен к покойнику; его жена, дочери, самые горячие его поклонницы тщетно умоляли разрешить им видеть его в последний раз.

Благочестивая Акилина, бывшая одержимая, провела половину ночи в омовении тела, наполнила благовониями его раны, одела в новые одежды и положила в гроб. В заключение она положила ему на грудь крест, а в руки вложила письмо императрицы. Вот текст этого письма, как мне сообщила г-жа Т., приятельница „старца“, которая очень дружна с сестрой Акилиной:

„Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно постоянно сопровождало меня на скорбном пути, который мне остается пройти здесь, на земле. И вспоминай о нас на небесах в твоих святых молитвах.

Александра.

На следующий день утром, т. е. вчера, царица и г-жа Вырубова пришли помолиться над прахом их друга, который они покрыли цветами, иконами и причитаниями.

Сколько раз во время моих поездок в Царское Село я проезжал мимо Чесменского приюта (бывшей летней резиденции Екатерины II), который с дороги виден сквозь деревья. В это время года в своем зим-

нем виде, на беспредельной туманной и холодной равнине — место зловещее и печальное. Это как раз подходящая декорация для вчерашней сцены. Эта царица и ее зловредная подруга в слезах перед распухшим трупом развратного мужика, которого они так безумно любили и которого Россия будет вечно проклинать, — много ли более патетических эпизодов создал великий драматург истории.

Около полуночи, гроб был перенесен в Царское Село, под присмотром г-жи Головиной и полковника Лемана, затем поставлен в часовне в императорском парке.

Четверг, 4 января 1917 *г.*

Я сделал визит Коковцеву, в его аппартаментах на Моховой.

Никогда еще бывший председатель Совета Министров, пессимизм коего столько раз оправдывался, не формулировал при мне таких мрачных предсказаний. Он предвидит в близком будущем дворцовый пореворот или революцию.

— Уже очень давно я не видал Е. В. Но у меня есть очень близкий друг, который часто видится с царем и царицей, и который в последние дни работал с царем. Впечатления, сообщенные мне этим другом, грустные. Царица с виду спокойна, но молчалива и холодна. У царя глухой голос, впалые щеки, взгляд недобрый; он с горечью говорит о членах Гос. Совета, которые, твердя о своей верности самодержавию, позволили себе обратиться к нему с заявлениями; поэтому он решил сменить председателя и товарища председателя этого высокого собрания, полномочия коих истекают 1 (14) января, но которые обычно

остаются на своих постах... Раздражение царя против Госуд. Совета старательно раздувается царицей, которую уверили, что некоторые члены крайней правой Гос. Совета говорили о расторжении ее брака с царем и заключении ее в монастырь. Теперь я скажу вам по секрету: Трепов был у меня сегодня утром и заявил мне, что он не хочет больше нести ответственности за власть и что он просил царя освободить его от обязанностей председателя Сов. Министров. Вы понимаете, что у меня есть основание беспокоиться.

— В общем итоге, — сказал я, — настоящий конфликт принимает все больше характер конфликта между царем и естественными, присяжными защитниками самодержавия. Если царь не уступит, вы полагаете, что мы вновь будем свидетелями трагедии Павла I.

— Я этого боюсь.

— А левые партии, как они поведут себя?

— Левые партии,—имею в виду думские фракции,—останутся, вероятно, в стороне; они знают, что последующие события могут принять лишь благоприятный для них оборот и они будут ждать. А что до народных масс, это другой вопрос.

— Вы уже предвидите их выступление?

— Я не думаю, чтобы инцидентов текущей политики или даже дворцового переворота достаточно было для того, чтобы поднять народ. Но в случае военного поражения или голодного кризиса восстание вспыхнет немедленно.

Я сообщаю тогда Коковцеву, что я намерен просить у царя аудиенции:

— Я оффициально буду иметь возможность говорить только о делах дипломатических и военных. Но если я увижу, что он в доверчивом настроении, я попытаюсь перевести разговор на почву внутренней политики.

— Ради Бога, скажите ему все, без колебаний.

— Если он согласится меня выслушать, я буду говорить по существу. Если он станет уклоняться, я ограничусь тем, что дам ему понять, как меня беспокоит все, что происходит, и о чем я не имею права ему сказать.

— Вы, может быть, правы. В том настроении, в каком находится царь, к нему надо подходить осторожно, но так как я знаю, что он к вам расположен, я не удивился бы, если бы он позволил себе с вами быть до известной степени откровенным.

С тех пор, как в. к. Димитрий состоит под домашним арестом в своем дворце на Невском проспекте, его друзья не вполне уверены в его личной безопасности. На основании сведений, источник коих мне неизвестен, они боятся, что министр внутренних дел Протопов решил его убить через одного из полицейских, приставленных к нему для охраны. Махинация, замышленная охраной, будет состоять в том, что будет симулирована попытка бегства, полицейский устроит так, будто в. к. угрожал и вынудил его защищаться оружием.

На всякий случай председатель совета министров Трепов отдал генералу Хабалову, губернатору Петрограда, приказание поставить пехотный караул во дворце в. к. Впредь, таким образом, на каждого полицейского приходится по часовому, который за ним наблюдает.

Пятница, 5 января, 1917 *г.*

Чтобы направить в другую сторону предположения и искания общего любопытства, „Охранка“ распространяет слух, что гроб Распутина был перевезен не то в Покровское, возле Тобольска, не то в монастырь на Урале.

В действительности, похороны очень таинственные происходили вчера ночью в Царском Селе.

Гроб был закопан под иконостасом в строющейся часовне на опушке императорского парка, близ Александровска, в часовне св. Серафима.

Присутствовали только царь, царица, четыре молодые княжны, Протопопов, г-жа Вырубова, полковники Леман и Мальцев, наконец, в качестве священнослужителя придворный архиерей, отец Василий.

Царица потребовала себе окровавленную сорочку „мученика Григория“ и благовейно хранит ее, как реликвию, как палладиум, от которого зависит участь династии.

В тот же день вечером крупный промышленник Богданов давал обед, на котором присутствовали члены императорской фамилии, князь Гавриил Константинович, несколько офицеров, в том числе граф Капнист, ад‘ютант военного министра, член госуд. совета Озеров и несколько представителей крупного финансового капитала, в том числе Путилов.

За обедом, который прошел очень оживленно, говорили исключительно о внутреннем положении. Под влиянием шампанского его изображали в самых мрачных тонах с чрезмерным пессимизмом, любезным русскому воображению.

Обращаясь к князю Гавриилу, Озеров и Путилов изложили единственное, по их мнению, средство спасти царствующую династию и монархический режим: созвать всех членов императорской фамилии, лидеров партий гос. совета и гос. Думы, а также представителей дворянства и армии и торжественно об'явить императора слабоумным, непригодным для лежащей на нем задачи, неспособным дальше царствовать и об'явить царем наследника под регенством одного из в. к.

Нисколько не протестуя, князь Гавриил, ограничился формулировкой некоторых возражений практического характера, он все же обещал передать сказанное ему своим дядям и двоюродным братьям.

Вечер закончился тостом за „царя умного", сознающего свой долг и достойного своего народа". Царь отказался принять отставку Трепова без единного слова об'яснения.

Вечером я узнал, что в семье Романовых сильное возбуждение и волнение.

Несколько в. к., в числе которых мне называют трех сыновей в. к. Марии Павловны, Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше, ни меньше, как о перевороте. С помощью четырех гвардейских полков, лойяльность которых будто уже поколеблена, ночью пойдут на Царское Село, захватят царя и царицу, царю докажут необходимость отреченья, царицу заточат в монастырь, затем об'явят царем наследника Алексея, под регенством в. к. Николая Николаевича.

Инициаторы этого плана полагают, что в. к. Дмитрий, его участие в убийстве Распутина, делается самым подходящим руководителем заговора, способным

увлечь войска. Его двоюродные братья, Кирилл и Андрей Владимирович, отправились к нему в его дворец на Невском проспекте и изо всех сил убеждали его „продолжить до конца дело национального освобождения“. После долгой борьбы со своей совестью, Дмитрий Павлович решительно отказался “поднять руку на императора“; его последнее слово было: „я не нарушу своей присяги в верности“.

Гвардейские части, в которых организаторы успели подготовить себе единомышленников: Павловский полк в казармах на Марсовом поле, Преображенский полк в казармах у Зимнего Дворца, Измайловский полк в казармах у Обводного канала, гвардейские казаки в казармах за Александро-Невской Лаврой, наконец, эскадрон гусарского императорского полка, входящийся в состав гарнизона Царского Села.

Все происходившее в казармах почти тотчас стало известно „Охранке“. Белецкому поручено было произвести расследование в связи с следствием, которое он продолжал по делу Распутина; главным его сотрудником и в его розысках является жандармский полковник Невдалов, начальник охраны особы императора, недавно заменивший генерала Спиридовича.

Суббота, 6 января 1917 *г.*

Об убийстве Распутина продолжают циркулировать самые противоречивые, самые фантастические версии. Тайна тем более непроницаема, что с первого же часа императрица лично поручила вести следствие Белецкому, бывшему директору департамента полиции, знаменитому Белецкому, теперь се-

натору; он тотчас приступил к делу с начальником „Охранки“ жандармским генералом Глобачевым и его ловким помощником, полковником Кирпичниковым. Требуя, чтобы все полномочия „Охранки“ были сосредоточены в руках Белецкаго, для ведения следствия, царица энергично повторяла: „я доверяю ему одному, я поверю лишь тому, что мне скажет он один“...

Из двух различных источников, из коих один очень интимный, я получил в итоге сведения, дающие мне возможность восстановить главные фазы убийства. Меня уверяют, что эти подробности совпадают с фактами, установленными в настоящее время полицейским следствием.

Драма произошла в ночь с 29 на 30 декабря во дворце князя Юсупова, на Мойке, № 94.

До тех пор у Феликса Юсупова были с Распутиным лишь весьма неопределенные отношения. Чтоб заманить его к себе в дом, он прибег к довольно неэлегантной уловке; 28 декабря он отправился к „старцу“ и сказал ему:

— Моя жена, прибывшая вчера из Крыма, безумно хочет с тобой познакомиться. И она хотела бы видеть тебя совершенно интимно, чтоб спокойно поговорить с тобой. Не хочешь ли притти завтра ко мне домой выпить чашку чаю? Ты приходи попозже, так в половине двенадцатого, потому что у нас будет обедать моя теща, но к этому времени она уже уедет.

Мысль завязать сношения с очень красивой княгиней Иреной, дочерью в. к. Александра Михайловича и племянницей императора, сейчас же раззадорила

Распутина, и он обещал прийти. Впрочем, вопреки уверению Юсупова, княгиня Ирена еще в Крыму.

На следующий день, 29 декабря, около 11 час. вечера, все заговорщики собрались во дворце Юсупова в одном из салонов верхнего этажа, где был сервирован ужин. Князя Феликса окружали в. к. Дмитрий, депутат Пуришкевич, капитан Сухотин и польский медик доктор Станислав Лазоверт, прикомандированный к одной из крупных военных санитарных организаций. Что бы ни рассказывали, никакой оргии в этот вечер во дворце Юсупова не было; на собрании не было ни одной женщины: ни княгини Р., ни г-жи Д., ни графини П., ни танцовщицы Коралли.

В четверть двенадцатого князь Феликс отправился в автомобиле к Распутину, который живет на Гороховой № 69, приблизительно километрах в двух от Мойки.

Юсупов ощупью поднялся по лестнице к Распутину, так как свет в доме был уже погашен, а ночь была темная. В этом мраке он плохо ориентировался. В тот момент, когда он звонит, он боится, что ошибся дверью, может быть этажем. Тогда он мысленно произносит: „если я ошибусь, значит судьба против меня и Распутин должен жить“.

Он звонит, Распутин сам открывает ему дверь; за ним следует его верная служанка Дуня.

— Я за тобой, отец, как было условлено. Моя машина внизу.

И в порыве сердечности, он по русскому обычаю, звонко целует „старца“.

Тот, охваченный инстинктивным недоверием, ...шливо восклицает:

— Ну, и целуешь же ты меня, милый!.. Надеюсь, это не иудино лобзание.. Ну, пойдем... Ступай вперед! Прощай, Дуня...

Через десять минут, т. е. около полуночи, они вышли из автомобиля, у дворца на Мойке.

Юсупов вводит своего гостя в небольшой аппартамент нижнего этажа, выходящий в сад. Вел. кн. Димитрий, Пуришкевич, капитан Сухотин и доктор Лазоверт ожидают в верхнем этаже, откуда доносится время от времени звук граммофона, исполняющего мотивы танцев.

Юсупов говорит Распутину:

— Моя теща еще наверху с несколькими нашими знакомыми молодыми людьми, но все они собираются уходить. Моя жена присоединится к нам, как только они уйдут.. Сядем.

Они усаживаются в большие кресла и беседуют об оккультизме и некромантии.

„Старец" никогда не нуждается в стимуле, чтоб говорить без конца о подобных вещах. К тому же, он сегодня вечером в ударе; глаза его сверкают и вид у него очень самодовольный. Чтобы встретить молодую княгиню Ирену во всеоружии всех своих средств обольщения, он надел свой самый лучший костюм, костюм знаменательных дней: на нем широкие бархатные шаровары, запущенные в высокие, новые сапоги, белая шелковая рубаха, украшенная голубой вышивкой, наконец, пояс из черного сатина, расшитый золотом, подарок царицы.

Между креслами, в которых развалились Юсупов и его гость, заранее помещен был круглый стол, на котором расставлены две тарелки пирожных с кремом, бутылка мадеры и поднос с шестью стаканами.

Пирожные, поставленные возле Распутина, были отравлены цианистым калием, доставленным врачем Обуховской больницы, знакомым князя Феликса. Каждый из трех стаканов стоящих возле этих пирожных содержит по три дециграмма цианистого калия, растворенного в нескольких каплях воды; как ни кажется слабой это доза, она однако, огромна, потому что уже доза в четыре центиграмма смертельна.

Едва началась беседа, Юсупов небрежно наполняет по стакану из каждой серии и берет пирожное с ближайшей к нему тарелки.

— Ты, значит, не пьешь отец Григорий,?—спрашивает он „старца".

— Нет, мне пить не хочется.

Они продолжают оживленную беседу о чудесах спиритизма, колдовства и ворожбы.

Юсупов во второй раз предлагает Распутину выпить вина, с'есть пирожное. Новый отказ.

Но так как часы бьют час ночи, Гриша внезапно раздражается и грубо кричит.

— Да что же это жена твоя не идет... Знаешь, я ждать не привык. Никто не позволяет себе заставлять меня ждать, никто... даже сама императрица.

Зная, как вспыльчив Распутин, князь Феликс примирительно бормочет:

— Если через несколько минут Ирены здесь не будет, я пойду за ней.

— Ты хорошо сделаешь; потому что становится здесь скучно.

С развязным видом, но с сдавленной глоткой Юсупов пытается возобновить беседу. Внезапно „старец" выпивает свой стакан. И, щелкнув языком, говорит:

— Марсала у тебя знатная. Я б еще выпил.

Машинально Юсупов наполняет не протянутый Гришкой стакан, а два других стакана с цианистым калием.

Распутин хватает и единым духом выпивает стакан. Юсупов ждет, что жертва свалится в обмороке.

Но яд все не оказывает действия.

Третий стакан. Все никакого действия.

Убийца, обнаруживший до этого момента замечательное хладнокровие и непринужденность, начинает волноваться. Под тем предлогом, что он идет за Иреной он выходит из салона и поднимается на верхний этаж, чтоб посоветоваться со своими сообщниками.

Совещание продолжается недолго: Пуришкевич энергично высказывается за ускорение развязки.

— Не то, — заявляет он, — негодяй от нас уйдет. И так как он наполовину, по крайней мере, отравлен, мы подвергнемся всем последствиям убийства, не получив от него никакой пользы.

— Но у меня нет револьвера,—возражает Юсупов.

— Вот мой револьвер,—отвечает в. к. Димитрий.

Юсупов опять сходит в нижний этаж, держа револьвер в. к. в левой руке за спиной.

— Моя жена в отчаянии, что заставила тебя ждать, — говорит он;—ее гости только что ушли: она сейчас придет.

Но Распутин едва слушает его; он ходит взад и вперед, отдуваясь и рыгая. Цианистый калий действует.

Юсупов, однако, не решается воспользоваться своим оружием. А если он промахнется.. Хрупкий и изнеженный, он боится напасть открыто на коренастого мужика, который мог бы раздавить его одним ударом кулака. Однако нельзя терять больше ни

одной минуты. С секунды на секунду Распутин может заметить, что он попал в ловушку, схватить своего противника за горло и спастись, переступив через его труп.

Совершенно овладев собой, Юсупов говорит:

— Так как ты на ногах, пройдем в соседнюю комнату. Я хочу тебе показать очень красивое итальянское Распятие эпохи Ренессанса, которое я купил.

— Да, покажи его мне, никогда не мешает посмотреть изображение нашего распятого Спасителя.

Идут в соседнюю комнату.

— Вот посмотри, на этом столе, — сказал Юсупов. — Неправда ли красиво?

В то время, как Распутин склоняется над святым изображением, Юсупов становится слева и почти в упор два раза стреляет ему в бок.

Распутин издает крик:

— Ах!

И всей своей массой падает на пол.

Юсупов наклоняется над телом, щупает пульс, осматривает глаз, подняв веко, и не констатирует никаких признаков жизни. На выстрел сверху быстро сходят сообщники. В. к. Дмитрий заявляет:

— Теперь надо поскорей бросить его в воду... Я пойду за своим автомобилем.

Его спутники поднимаются опять на верхний этаж, чтобы сговориться относительно перевозки трупа. Минут десять спустя, Юсупов входит в салон нижнего этажа посмотреть на свою жертву. И в ужасе отступает.

Распутин наполовину поднялся, опираясь на руки. В последнем усилии он выпрямляется, опускает свою тяжелую руку на плечо Юсупова и срывает с него эполет, выдохнув в последнем усилии слова:

— Негодяй! Завтра ты будешь повешен... Потому что я все расскажу императрице.

Юсупов с трудом вырывается, бегом спасается из салона, поднимается на верхний этаж. И бледный, покрытый кровью, прерывающимся голосом, кричит своим сообщникам.

— Он еще жив.. Он говорил со мной...

Затем он сваливается в обмороке на диван. Пуришкевич хватает его своими сильными руками, встряхивает, поднимает, берет у него его револьвер и вместе с другими заговорщиками сходит в аппартамент нижнего этажа.

Распутина уже больше нет в салоне. У него хватило энергии открыть двери в сад, и он ползет по снегу.

Пуришкевич посылает ему одну пулю в затылок, другую в спину, и в это время Юсупов, взбешенный, рыча бежит за бронзовым канделябром и наносит им жертве несколько страшных ударов по черепу.

Четверть третьего утра.

В этот момент к садовой калитке под'езжает в автомобиле в. к. Дмитрий.

С помощью надежного слуги, заговорщики одевают Распутина в шубу, надевают ему даже галоши, чтобы во дворце не оставалось никаких вещественных доказательств, и кладут тело в автомобиль, в который быстро садятся в. к. Дмитрий, доктор Лазоверт и капитан Сухотин.

Затем, под управлением Лазоверта, автомобиль полным ходом несется к Крестовскому.

Капитан Сухотин еще накануне обследовал берега. По его указаниям, автомобиль останавливается у небольшого моста, ниже которого скорость течения

нагромоздила льдины, разделенные полыньями. Там не без труда трое сообщников проносят тяжеловесную жертву к краю проруби и сталкивают в воду. Но материальная трудность операции, густой ночной мрак, пронзительный вой ветра, страх быть захваченными врасплох, нетерпение покончить со всем до крайности напрягают их нервы. И они не замечают, что сталкивая труп за ноги, они уронили одну галошу, которая затем осталась на льду; нахождение этой галоши три дня спустя и открыло полиции место погружения трупа в воду.

Между тем, как на Крестовском острове совершалась эта гробовая работа, произошел инцидент во дворце на Мойке, где князь Феликс и Пуришкевич, оставшись одни, заняты были поспешным уничтожением следов убийства.

Когда Распутин покинул свою квартиру на Гороховой, агент „Охранки“ Тихомиров, которому обычно поручалась охрана „старца“, тотчас стал дежурить у дворца Юсупова. Начало драмы, несомненно, ускользнуло от его внимания.

Но если он не мог слышать первых револьверных выстрелов, ранивших Распутина, он явственно слышал выстрел в саду. Обеспокоенный, он поспешил предупредить полицейского пристава соседнего участка. Когда они оба вернулись, они видели, как автомобиль выехал из ворот дворца Юсупова и понесся с бешеной скоростью к Синему мосту.

Полицейский пристав хочет войти во дворец. Но дворецкий князя принимает его на пороге и говорит ему:

— То, что произошло, вас не касается. Е. и. в. в. к. Димитрий доложит завтра, кому следует. Уходите.

Энергичный пристав проникает в дом. В вестибюле он встречает Пуришкевича, который ему заявляет.

— Мы только что убили человека, позорившего Россию.

— Где труп?

— Этого вы не узнаете. Мы дали клятву сохранить абсолютную тайну обо всем, что произошло.

Пристав поспешно возвращается в участок на Морской и телефонирует полковнику Григорьеву, полицеймейстеру 2-й части. Не прошло получаса, как градоначальник, генерал Балк, командующий отдельным корпусом жандармов, генерал граф Татищев, начальник „Охранки" генерал Глобачев, наконец, директор департамента полиции Васильев прибыл в Юсуповский дворец.

Понедельник, 8 *января* 1917 *г.*

По высочайшему повелению в. к. Димитрий сослан в Персию, в Казвин, где он будет состоять при главном штабе одной из действующих армий. Князь Феликс Юсупов выслан в свое имение в Курской губ. (в южной России). Что касается Пуришкевича, то престиж, которым он пользуется в реакционной партии, как один из вождей „черной сотни", привел императора к мысли, что его опасно было бы трогать: он оставлен на свободе; но на следующий день после убийства он выехал на фронт, где за ним следит военная полиция.

Мысль убить Распутина возникла в уме Феликса Юсупова, повидимому, в середине ноября. В это время он говорил об этом с одним из лидеров кадетской партии, блестящим адвокатом Василием Маклаковым;

но в то время он расчитывал убить „старца" через наемных убийц, а не действовать самому. Адвокат благоразумно отговорил его от такого способа: „Негодяи, которые согласятся убить Распутина за плату, лишь только получат от вас задаток, пойдут предать вас „Охранке". Озадаченный Юсупов спросил: „Нежели нельзя найти надежных людей?" На что Маклаков остроумно ответил: „Не знаю, я не содержу бюро убийц".

Только 2 декабря Феликс Юсупов решил окончательно действовать лично.

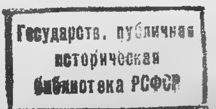
В этот день он находился в ложе против трибуны на публичном заседании Думы. Пуришкевич только что поднялся на трибуну и громил в страшном обвинительном акте „закулисные силы, позорящие Россию". Когда перед взволнованной аудиторией оратор воскликнул: „Встаньте, господа министры! Поезжайте в Ставку; бросьтесь к ногам государя; имейте мужество сказать ему, что народный гнев растет, и что темный мужик не должен дальше править Россией!" Юсупов трепетал от сильного волнения. Г-жа П., сидевшая возле него, видела, как он побледнел и задрожал.

На следующий день он отправился к Пуришкевичу. Взяв с него слово сохранить все в абсолютной тайне, он рассказал ему, что с некоторого времени ведет знакомство с Распутиным с целью проникнуть в интриги, которые затеваются при Дворе, и что он не останавливается ни перед какой лестью, чтобы овладеть доверием Распутина; ему это чудесно удалось, потому что он только что узнал от самого „старца", что сторонники царицы готовятся свергнуть Николая II, что цесаревич Алексей будет об'явлен императором под регенством матери, и что первым актом нового

правительства будет предложение мира германской империи. Затем, видя, что его собеседник поражен этим разоблачением, он открыл ему свой проект убить Распутина и заключил: „Я хотел бы иметь возможность расчитывать на вас Владимир Митрофанович, чтобы освободить Россию от страшного кошмара, в котором она мечется“. Пуришкевич, у которого пылкое сердце и скорая воля, с восторгом согласился. В один момент они составили программу засады и установили для выполнения дату 29 декабря.

23 *марта* 1917 *г.*

Вчера вечером гроб Распутина был тайно перенесен из царско-сельской часовни в Парголовский лес, в пятнадцати верстах от Петрограда. Там на прогалине несколько солдат под командой саперного офицера соорудили большой костер из сосновых ветвей. Отбив крышку гроба, они палками вытащили труп, так как не решались коснуться его руками, вследствие его разложения и не без труда втащили его на костер. Затем, все полили керосином и зажгли. Сожжение продолжалось больше шести часов, вплоть до зари. Несмотря на ледяной ветер, на томительную длительность операции, несмотря на клубы едкого, зловонного дыма, исходившего от костра, несколько сот мужиков всю ночь толпами стояли вокруг костра, боязливые, неподвижные, с оцепенением растерянности наблюдая святотатственное пламя, медленно пожиравшее мученика „старца“, друга царя и царицы, „божьего человека“. Когда пламя сделало свое дело, солдаты собрали пепел и погребли его под снегом.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ ТРАНПОСЕКЦИИ

1. Ильинка 21, Тел. № 1-78-50, 2. Тверской б. 26, Тел. № 49-90.
3. Тверская 35, Тел. № 2-23-27.